

Вольдемар Николаевич Балязин
Екатерина Великая и ее семейство
Серия «Романовы (Олма Медиа Групп)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7624871
Екатерина Великая и ее семейство. : ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2008
ISBN 978-5-373-01744-2

Аннотация

Недовольство императором Петром III в армии было столь велико, что созрел заговор. Душой заговора стал офицер Григорий Орлов и его братья. Петр III был низложен, а его супруга Екатерина провозглашена самодержавной императрицей.

Екатерина уверенно и твердо повела за собою государство. Восемнадцать лет, проведенные ею в России, не прошли даром: она хорошо знала страну, ее историю, ее народ. С первых же дней царствования Екатерина проявила необычайную работоспособность и умение подбирать себе знающих и надежных помощников.

Ее сын Павел Петрович, унаследовавший престол, отличался дурным характером и редкой способностью вызывать к себе ненависть.

Недовольство императором обратилось очередным заговором. Среди заговорщиков был сын Павла, внук Екатерины – Александр.

Царствование Александра I продлилось двадцать четыре года.

Содержание

Коронация и первые годы царствования Екатерины II	4
Граф Григорий Орлов	9
Заговор Василия Мировича	11
Цесаревич Павел и Вильгельмина Гессен-Дармштадтская	16
Казак Пугачев и немец-подпоручик Шванвич	19
Фавориты Екатерины – от Васильчикова до Римского-Корсакова	22
Смерть Натальи Алексеевны и воскрешение ее тайны	36
Сватовство и женитьба Павла на Софии-Доротее Вюртембергской	39
Детство великих князей Александра и Константина	42
Жизнь и смерть Александра Ланского	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вольдемар Николаевич Балязин

Екатерина Великая и ее семейство

Коронация и первые годы царствования Екатерины II

1 сентября 1762 года Екатерина выехала в Москву на коронацию.

В пятницу, 13 сентября совершился ее торжественный въезд в Москву. Под звон колоколов и грохот пушек Екатерина ехала по Тверской, украшенной вывешенными коврами и гобеленами, густой зеленью ельника и множеством цветов.

Она ехала в открытой коляске, окруженная эскортом конногвардейцев, вдоль стоящих шпалерами десяти полков, одетых в парадные мундиры и сверкающие каски.

22 сентября в 10 часов утра началась церемония коронации, завершившаяся тем, что Екатерина из Успенского собора прошла в Архангельский и Благовещенский, где прикладывалась к святым мощам и самым почитаемым иконам. Во время ее шествия по территории Кремля полки «отдавали честь с музыкою, барабанным боем и уклонением до земли знамен, народ кричал „ура“, а шум и восклицания радостные, звон, пальба и салютация кажется воздухом подвигли, к тому ж по всему пути метаны были в народ золотые и серебряные монеты».

Коронационные торжества продолжались семь дней.

В первый день в Кремле три часа били фонтаны белого и красного вина, бесплатно угощали жареным мясом, продолжали бросать монеты. То же самое происходило и на седьмой день торжеств, сменив затем официальное празднество – «празднеством партикулярным» в домах московской знати.

Хлебосольная и щедрая аристократия Москвы на сей раз превзошла самое себя – балы, парадные обеды, маскарады, фейерверки и прочие увеселения длились более полугода – с октября 1762 года до июня 1763-го.

Главным распорядителем коронационных торжеств был действительный камергер, генерал-майор и кавалер ордена Александра Невского Григорий Григорьевич Орлов.

В эти же дни все пять братьев Орловых были возведены в графское достоинство, а Григорий, кроме того, был пожалован и званием генерал-адъютанта. На графском гербе Орловых был начертан девиз: «Храбростью и постоянством».

Екатерина начала царствование милостью к недругам и наградами друзьям. Она сразу же встала над дворцовыми партиями и распрями и подобно тому, как была безусловным лидером в удачно проведенном заговоре, стала столь же безусловным принципалом, уверенно и твердо повела за собою государство.

Восемнадцать лет, проведенные ею в России, не прошли даром: она хорошо знала страну, ее историю, ее народ, понимала, с кем и с чем имеет дело, и не строила наивных и беспочвенных иллюзий относительно всего этого. С первых же дней царствования Екатерина проявила необычайную работоспособность – до двенадцати часов в сутки, а при необходимости и более, – умение подбирать себе знающих и надежных помощников, способность быстро и основательно вникать в суть самых разных сложных проблем.

Во внутренней политике она сделала главным принципом рост силы государства, поставив на первое место интересы России. На одном из первых заседаний Сената она узнала о недостаточности денег в казне и отдала собственные средства, заявив, что «принадлежит сама государству, она считает и все принадлежащее ей собственностью государства, и

на будущее время не будет никакого различия между интересом государственным и ее собственным». При этом она исходила из принципа превосходства интереса государства над интересом отдельной личности, утверждая: «Еде общество выигрывает, тут на партикулярный ущерб не смотрят».

Позднее Екатерина сформулировала и иные важнейшие принципы своей политики, названные ею «Пятью предметами»: «Если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого.

Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание? – полезно ли?» – писала императрица. И, перечисляя «Пять предметов», указывала:

«1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную позицию.

4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни».

Императрица Екатерина II. Художник Ф. С. Рокотов. 1763 г.

Исходя из «предмета пятого», Екатерина видела смысл внешней политики в соблюдении собственных интересов России. Ни от кого не зависимая Россия, преследовавшая только свои «резоны и выгоды, свой авантаж и профит», как тогда говорили, приобрела гораздо большее значение в мировой политике и вскоре добилась наивысших успехов.

Однако достичь этого Екатерине удалось не сразу и не без борьбы с извечной рутинной, политическими противниками и подстерегавшей на каждом шагу угрозой переворотов и заговоров.

Об административной канцелярской рутине весьма красноречиво говорил хотя бы такой факт. На одном из первых заседаний Сената Екатерина спросила, есть ли в Сенате реестр городов? Его не оказалось, хотя Сенат назначал в города воевод. Не было даже карты России. Тогда Екатерина послала сенатского служителя в Академию наук и, дав ему пять рублей, велела купить географический атлас И. К. Кириллова, изданный еще за тридцать лет до того, и подарила его Сенату.

В одном из писем к Понятовскому Екатерина признавалась: «Мое положение таково, что я должна принимать во внимание многие обстоятельства; последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение».

В первые же месяцы нового царствования в среде гвардейских офицеров возник заговор в пользу шлиссельбургского узника Ивана Антоновича. Трое братьев Гурьевых – Петр, Иван и Семен – и Петр Хрущев намеревались освободить Ивана Антоновича и посадить его на российский трон. Заговор был раскрыт, и все участники были сосланы в Якутск и на Камчатку.

Вслед за тем обнаружился заговор против Григория Орлова. Объектами недовольства, нападок и даже готовящихся покушений были две «государственных персоны» – правящая императрица и ее фаворит. Общая опасность еще более сблизила их, и у любовников возникла даже мысль обвенчаться, тем более что еще до убийства Петра III Екатерина допускала возможность брака с Орловым.

Для того чтобы грядущее бракосочетание не казалось чем-то необычным, было решено обнародовать документы о венчании Елизаветы Петровны и Разумовского. Однако, когда посланцы императрицы приехали к Алексею Григорьевичу и попросили показать им соответствующий документ, Разумовский, человек умный, осторожный и не желающий изменения собственного положения, открыл ларец с документами и на глазах у нежданных гостей бросил какие-то бумаги в камин, хотя если бы его официально объявили законным супругом Елизаветы Петровны, то Разумовский был бы уравнен в правах с членами императорской фамилии и получил титул «Императорского Высочества».

Тогда в игру включился поверенный в сердечных делах Екатерины, бывший канцлер, граф Алексей Петрович Бестужев, первым из сановников удостоенный Екатериной II звания генерал-фельдмаршала.

Во время коронационных торжеств в Москве он составил челобитную на имя императрицы, «в которой ее всеподданнейше, всепочтительнейше и всенижайше просили избрать себе супруга ввиду слабого здоровья Великого князя». (То есть цесаревича Павла Петровича.)

Несколько вельмож поставили свои подписи под этой челобитной, но когда дело дошло до Михаила Илларионовича Воронцова, он не только не подписал ее, но тотчас же поехал к императрице и обо всем рассказал ей, заявив, что «народ не пожелает видеть Орлова ее супругом».

Екатерина, как утверждает Дашкова, вняла голосу «народа», представителем которого считал себя Воронцов – канцлер и граф, и сказала, что челобитная была плодом самостоятельности Бестужева и что она не имеет к его инициативе никакого отношения и вовсе не собирается брать в мужья себе Григория Орлова.

Меж тем Григорий Орлов был пожалован германским императором Францем I Габсбургом титулом князя Священной Римской империи, и это вызвало новые опасения, что фаворит может оказаться на троне.

Описанные выше события происходили в Москве, где после коронационных торжеств все еще оставался двор и празднества не затихали, а сменяли друг друга бесконечной чередой. Апофеозом невиданных дотоле сценических действий был грандиозный уличный маскарад, проведенный Федором Волковым по сценарию Хераскова и Сумарокова. Четыре тысячи человек приняли участие в этом действе, названном авторами «Торжествующая Минерва».

Режиссер и организатор этого действия – Федор Волков, разъезжая верхом, во время маскарада простудился и 4 апреля 1763 года скончался.

Основателя национального русского театра похоронили в мужском Спасо-Андрониковом монастыре, в котором за три века перед тем нашел приют и последнее упокоение и основатель русской живописи Андрей Рублев. И когда гроб с телом Волкова опускали в могилу, почти никто не знал, что хоронят не только великого актера, сыгравшего десятки ролей на подмостках сцены, но и великого заговорщика, чья роль, тайно сыгранная им в истории России, надолго окажется скрытой и от современников, и от потомков.

Не успели похоронить «глубинного» заговорщика Федора Волкова, чуть более полугода назад «замышлявшего» против Петра Федоровича, как тут же объявились новые «заводчики» нового комплота, на сей раз нацеленного против Григория Орлова. Теперь главой недовольных им стал камер-юнкер и секунд-ротмистр конной гвардии Федор Хитрово, которого Дашкова называла «одним из самых бескорыстных заговорщиков». Хитрово, по неосторожности, поделился своими соображениями о замышляемом заговоре с собственным двоюродным братом Ржевским, рассказав, что им привлечены еще двое офицеров – Михаил Ласунский и Александр Рославлев, оба совсем недавно возведшие Екатерину на престол. Он рассказал Ржевскому, что все они будут умолять государыню отказаться от брака с Орловым, а если она не согласится, то убьют всех братьев Орловых.

Перепуганный Ржевский передал все Алексею Орлову, и Хитрово арестовали.

24 мая 1763 года Екатерина, находившаяся на богомолье в Ростове Великом, направила Василию Суворову секретнейшее письмо о производстве негласного следствия о поступках секунд-ротмистра и камер-юнкера Федора Хитрово, рекомендуя ему «поступать весьма осторожно, не тревожа ни город, и сколь можно никого; однако ж таким образом, чтоб досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предприятием... Впрочем, по полкам имеете уши и глаза».

Следствием было установлено, что Хитрово с небольшим числом сообщников видел главного виновника всего происходящего в Алексее Орлове, ибо «Григорий глуп, а больше все делает Алексей, и он великой плут и всему оному делу причиною». Было установлено, что на жизнь Екатерины заговорщики посягать не намеревались, а ограничивались лишь устранением братьев Орловых.

Исходя из всего этого, Екатерина ограничилась тем, что главный заговорщик Федор Хитрово был сослан в свое имение, в село Троицкое Орловского уезда, где и умер 23 июня 1774 года, а его единомышленники Михаил Ласунский и Александр Рославлев были уволены с военной и дворцовой службы в чине генерал-поручика.

И все же Екатерина решилась передать вопрос о своем замужестве на усмотрение Сената. И тогда встал сенатор, граф Никита Панин, воспитатель цесаревича Павла Петровича, и сказал:

– Императрица может делать все, что ей угодно, но госпожа Орлова не будет нашей императрицей.

Панина тотчас же поддержал Кирилл Разумовский.

Существовало мнение, что все, произошедшее в Сенате, было подстроено самой Екатериной, и Панин произнес то, что было угодно императрице.

Заговоры против Орлова и Екатерины возникали несколько раз и составлялись то в пользу Ивана Антоновича, то Павла. О заговоре подпоручика Мировича, провалившемся летом 1764 года, подробно будет рассказано дальше. Еще один заговор возник в 1768 году, когда капитан Панов, премьер-майор Жилин и гвардейские обер-офицеры Степанов и Озеров поставили перед собою задачу возвести на трон Павла Петровича. Однако в основе этого заговора лежала не столько нелюбовь к Екатерине, сколько зависть к Орловым и надежда на то, что новый император отомстит убийцам своего отца. Но и этот заговор был раскрыт и виновные оказались в ссылке – в Сибири и на Камчатке.

Еще через два года объявился мнимый сын Елизаветы Петровны, молодой офицер Опочинин, тоже возмечтавший возвести на престол Павла и учинивший для этого «комплот» с другими дворянами, главную роль среди которых играл поручик Батюшков.

Наконец, в 1772 году созрел заговор среди солдат гвардии – и снова в пользу Павла. Старшему из крамольников было 22 года, и Екатерина приговорила всех к пожизненной ссылке в Сибирь.

Граф Григорий Орлов

Разумеется, и сам Григорий Григорьевич, и все его сторонники отлично понимали, что никакие заговорщики им не страшны, пока императрица любит его. А Екатерина отличалась не только пылкостью нрава, но и привязанностью, столь характерной для женщин нежных и любящих по-настоящему.

Ее роман с Григорием Орловым продолжался десять лет прервался не по ее вине – о чем будет рассказано ниже.

А в первые годы после ее вступления на престол их любовь была безоблачной, чистой и крепкой. Да и сам предмет любви Екатерины был достоин того. Вот что писал о Григории Орлове его биограф Голомбиевский: «Природа щедро одарила Орлова. „Это было, – по выражению императрицы, – изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа“. Высокий и стройный, он, по отзыву Екатерины, „был самым красивейшим человеком своего времени“. Превосходя красотой, смелостью и решительностью всех своих братьев, Григорий не уступал никому ни в атлетическом сложении, ни в геркулевой силе. При этом Григорий был несомненно добрый человек с мягким и отзывчивым сердцем, готовый помочь и оказать покровительство, доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности, неспособный затаивать злобу, мстить; нередко он разбалтывал то, чего не следует, поэтому казался менее умным, чем был. Способный, но ленивый, Григорий обладал умом несамостоятельным и глубоким, но чутким к вопросам, которые его интересовали. Схватив на лету мысль, понравившуюся ему, быстро усваивал суть дела и нередко доводил эту мысль до крайности. Часто вспыльчивый, всегда необузданный в проявлении своих страстей, он обладал веселым и ветреным нравом, любил кулачные бои, состязания в беге и борьбе и охоту на медведя один на один».

К этой характеристике Григория Орлова может быть присоединена и еще одна, высказанная английским посланником лордом Каткартом: «Орлов – джентльмен, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств и обладающий замечательным природным умом».

Несмотря на то что дождь благоденствий пролился на всех участников переворота, самым обласканным оказался Григорий Григорьевич, получивший кроме того, о чем уже было сказано, две прекрасных богатых мызы, расположенных неподалеку от Петербурга – Гатчину и Ропшу. А помимо этого Григорий Григорьевич получал от императрицы и большие суммы денег, чаще всего выдаваемые ему на именины – 25 января и на день рождения – 6 октября. Екатерина дарила Орлову всякий раз от 50 до 150 000 рублей.

В марте 1763 года Екатерина попросила посланника Австрийской империи графа Мерси ходатайствовать перед императором о возведении графа Г. Г. Орлова в княжеское достоинство с титулом светлости, что и было подтверждено дипломом от 21 июля 1763 года. На следующий день Орлов стал главой Канцелярии опекунов иностранных поселенцев (то есть иностранцев, переселившихся в Россию).

Иностранные поселенцы получали земли в Поволжье, освобождались на тридцать лет от податей, имели право продавать плоды своего труда беспошлинно за границу, заводить торги и ярмарки, строить фабрики и мануфактуры.

К 1769 году только вокруг Саратова в 104 колониях поселилось более 23 000 выходцев из Швейцарии, Германии, Франции, Австрии и других стран. Карта Поволжья запестрела новыми поселениями – Берн, Люцерн, Унтервальден и т. п.

В январе 1765 года Орлов был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а 14 марта того же года генерал-фельдцейхмейстером и генерал-директором над фортификациями, заняв сразу две важнейших должности – командующего артиллерией и командующего инженерными войсками.

О всех деловых и служебных качествах Григория Григорьевича и о том, как проявлялись они в конкретных обстоятельствах, мы еще узнаем, а пока перейдем к последовательному пересказу важнейших событий, вернувшись к центральной фигуре – Екатерине Второй.

Заговор Василия Мировича

Подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, бедный дворянин-украинец, родители которого потеряли свои поместья из-за приверженности Мазепе, долго обивал пороги знатных петербургских земляков, умоляя помочь ему вернуть конфискованное добро. Однажды попал он на прием и к гетману Кириллу Разумовскому. Как показывал потом на допросе Мирович, гетман сказал ему: «Ты, молодой человек, сам себе прокладывай дорогу. Старайся подражать другим, старайся схватить Фортуну за чуб, и будешь таким же паном, как другие».

Отчаявшись добиться желаемого законным путем, Мирович стал подумывать об иных способах поправить дела: то он мечтал о выгодной женитьбе, то пытался выиграть состояние в карты, но Фортуна ловко увертывалась от неудачливого бедного подпоручика.

Осенью 1763 года Мирович случайно узнал, что в Шлиссельбурге томится несчастный экс-император Иван Антонович – сын Антона-Ульриха Брауншвейгского и регентши Анны Леопольдовны. Этого было довольно, чтобы толкнуть его мысли в новом направлении. Всю зиму он обдумывал, каким образом можно было бы осуществить эту «затейку», и решил, что как только наступит его очередь нести караульную службу в Шлиссельбургской крепости, – а Смоленский полк по частям выполнял и такую задачу, – он и осуществит немедленно свой замысел.

Он не знал, что даже если бы его замысел вполне удался, на престол возводить было бы некого: Иван Антонович от строгого многолетнего заключения в одиночных казематах превратился в полусумасшедшего человека, плохо и невнятно говорившего и не знавшего большинства реалий обыкновенной жизни.

В начале июля 1764 года Мировичу была поручена команда из 45 солдат и унтер-офицеров.

В крепости постоянно находилось три десятка солдат при коменданте Бередникове и двух офицерах – Власьеве и Чекине. Мирович лишь в самые последние дни перед осуществлением задуманного им дела стал склонять солдат и капралов отряда на свою сторону, зачитывая им подложный манифест и суля богатства и почести наподобие тех, какие получили лейб-компанцы Елизаветы Петровны. Кроме того, он предложил принять участие в заговоре и капитану Власьеву, не зная, что именно Власьев, согласно секретной инструкции, должен был при попытке освобождения Ивана Антоновича убить царственного арестанта.

Власьев мнимо согласился и тут же сообщил о сделанном ему предложении Никите Панину. Мирович не знал и этого, но, почувствовав опасность, решился на немедленные действия. Ночью он собрал свою команду и отдал приказ ворваться в каземат к Ивану Антоновичу.

Солдаты повиновались. Они арестовали коменданта и двинулись к каземату. Однако Власьев и Чекин, услышав выстрелы, немедленно исполнили инструкцию, и когда Мирович проник в каземат, Иван Антонович был уже мертв. О подробностях того, каким образом был он убит, свидетельств не сохранилось.

Так закончилась трагическая история царственного отпрыска из Брауншвейгской фамилии. Мировича арестовали, долго допрашивали – сначала в Шлиссельбурге, потом в Петропавловской крепости, – причем следствием и допросами руководил Григорий Орлов, проявивший и здесь известную снисходительность и не позволивший применить пытку. Но Мирович все же был приговорен к смерти и казнен 15 сентября 1764 года.

* * *

Став у кормила власти, Екатерина делала один шаг за другим, укрепляя могущество России как во внутренней, так и во внешней политике.

В 1765 году был издан Манифест о генеральном межевании, которым ставилась грандиозная задача точно определить границы земельных владений помещиков, свободных крестьян, казаков, городов, сел, монастырей, церквей, императорских уделов и всех прочих категорий землевладельцев.

Межевание проводилось до 1843 года, охватив территорию более 300 миллионов гектаров.

Для ускорения прохождения законов в Сенате была проведена реформа, изменившая его структуру: в Петербурге работало четыре департамента, в Москве – два. До того в Москве сенатских департаментов не было, и все вопросы управления и судебных дел решались только в Петербурге. Теперь же почти половина проблем решалась в Москве.

В Россию на льготных и весьма выгодных условиях привлекалось большое число иностранцев-колонистов, которыми заселялись преимущественно южные губернии, где было много неводеланной земли. Важную роль в колонизации играли немецкие переселенцы. В 1764–1774 годах на Волге, между городами Камышином и Саратовом, было образовано более ста немецких земледельческих колоний. Позже сотни немецких колоний появились в Новороссии и Крыму, отвоеванных русскими у татар и турок. Преимущественно это были переселенцы из юго-западных земель Германии – Вюртемберга, Бадена, Пфальца, Гессена, Баварии и Тюрингии. Немецким колонистам принадлежала важная роль в распространении новых для России сельскохозяйственных культур, особенно – картофеля.

Исключительно важное значение имела деятельность по подготовке, а затем по выборам и работе последней в истории России Комиссии об уложении, которая была седьмой по счету, начиная с 1700 года. Все предыдущие комиссии работали над созданием Свода законов, но ни одна не довела дело до конца. Екатерина поставила перед собой задачу такой Свод законов составить.

14 декабря 1766 года был опубликован Манифест о выборах депутатов от всех свободных сословий России для выработки нового Свода законов. Для этого были предусмотрены выборы депутатов в Комиссию об уложении из всех районов государства. Свод законов должны были создавать депутаты, избранные всеми народами и сословиями России, кроме крепостных крестьян, интересы которых представляли их владельцы. Все пять братьев Орловых были избраны депутатами от тех уездов, где были их имения. Григорий Орлов представлял дворян Копорского уезда Петербургской губернии.

Пока шли выборы, Екатерина и ее фаворит отправились в путешествие по Волге. 2 мая их лодки вышли из Твери и поплыли вниз по реке через Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань и Симбирск, откуда путешественники пересели в экипажи и поехали в Москву.

Во время путешествия по Волге Екатерина осмотрела заводы и фабрики, монастыри и церкви, мастерские и соляные варницы. В Нижнем Новгороде она познакомилась с замечательным механиком-самоучкой Иваном Кулибиным.

В дороге Екатерина размышляла над тем, какие законы могли бы улучшить положение дел в России. Именно в эти дни императрица начала интенсивно разрабатывать свой знаменитый «Наказ» – философско-юридический трактат, основанный на трудах Монтескье «Дух Законов» и Беккариа «О преступлении и наказании», который она чуть позже представила депутатам Уложенной комиссии. Орлов для «Наказа» переводил одну из глав романа Мармонтеля «Велизарий».

Екатерину поразила пестрота отношений, народов, языков, обычаев, костюмов, которые она встречала на каждом шагу.

Екатерина в каждом из городов, в монастырях и селах, попадавших ей по дороге, принимала челобитные, выслушивала жалобы, решала различные дела и тяжбы, беседуя с губернаторами и с крестьянами, с попами и купцами, с русскими и инородцами: только в Казани проживало более двух десятков разных народностей.

Из Казани она писала Вольтеру: «Эти законы, о которых так много было речей, собственно говоря, еще не сочинены, и кто может отвечать за их доброкачественность? Конечно, не мы, а потомство будет в состоянии решить этот вопрос. Представьте, что они должны служить для Азии и для Европы, и какое различие в климате, людях, обычаях и самих понятиях!.. Можно легко найти общие правила, но подробности? И какие подробности? Это почти все равно, что создать целый мир, соединить части, оградить и прочее».

22 июня, находясь в Москве, Екатерина сообщила сенаторам, что за время путешествия она получила шестьсот челобитных и почти все они содержали жалобы крестьян на помещиков и споры между иноверными народами о землях.

30 июля 1767 года в Успенском соборе Кремля состоялось торжественное открытие заседаний Уложенной комиссии. В конце церемонии Екатерина вручила генерал-прокурору князю Вяземскому заверченный ею накануне «Наказ», состоящий из 22 глав и 665 статей.

На следующий день 420 депутатов собрались в Грановитой палате, чтобы тайным голосованием избрать маршала комиссии. Маршалом был избран костромской депутат, генерал А. И. Бибииков.

А потом Е. Е. Орлов оказался одним из трех чтецов, которые по очереди читали «Наказ» депутатам.

Депутаты с прилежанием, вниманием и восхищением сие сочинение слушали, а вслед за тем, находясь под сильным впечатлением от всего услышанного, на следующем заседании 9 августа решили поднести императрице новый титул.

Поступило несколько предложений, но принята была редакция Григория Орлова – «Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества».

12 августа одиннадцать депутатов и маршал Бибииков поднесли Екатерине новый титул, но она поручила от своего имени вице-канцлеру князю А. М. Голицыну сказать так: «О званиях же, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла: на сие ответственю: 1) на «Великая» – о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) «Премудрая» – никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр; 3) «Мать Отечества» – любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимой от них есть мое желание».

Так откорректировала Екатерина верноподданные излияния господ депутатов и своего любимца.

А по окончании аудиенции она сказала:

– Надобно господам депутатам обсуждать и составлять законы, а не заниматься моей анатомией.

14 декабря состоялось последнее заседание Уложенной комиссии в Москве, потом были объявлены каникулы, и следующее заседание было открыто 18 февраля 1768 года в Санкт-Петербурге, после чего Комиссия проработала около года. Закрыта она была из-за разногласий между депутатами и малой эффективности ее работы.

Предлогом же для закрытия послужило то, что осенью 1768 года Турция объявила России войну, и 19 января 1769 года состоялось последнее общее собрание Комиссии, а осталось существовать лишь несколько частных комиссий.

Как и в вопросах политики внутренней, в вопросах политики внешней руководящей «персоной» была сама Екатерина. Первым ее самостоятельным шагом на этом поприще

сразу по восшествии на престол было письмо Фридриху II, уведомлявшее, что Россия останется верна миру с Пруссией, который незадолго перед этим подписал Петр III. Причем письмо Фридриху Екатерина отправила, не сообщив об этом ни одному из русских сановников. Нейтрализовав Пруссию, Екатерина тут же прибрала к рукам Курляндию, герцогом которой был сын польского короля Августа III – принц Карл. По приказу Екатерины в Митаву вошли русские войска, и в начале января 1763 года туда торжественно въехал семидесятидвухлетний герцог Эрнст Бирон со своим старшим сорокалетним сыном Петром, а весной оттуда отбыл польский принц Карл.

* * *

Во время коронационных торжеств Екатерина послала из Москвы в Польшу большую денежную субсидию, приложив к ней и орден Андрея Первозванного, своему старому другу и любовнику Станиславу-Августу Понятовскому, который рассматривался ею как надежный союзник и беспрекословный проводник русских интересов в Речи Посполитой.

В январе 1763 года тяжело заболел польский король Август III, и в предвидении его возможной кончины Екатерина и Фридрих II обменялись письмами по поводу будущего Польши. То же самое делали австрийцы и французы, противопоставляя австро-французскую коалицию русско-прусской и намереваясь посадить на польский трон своего кандидата.

Август III умер 5 октября 1763 года, а уже в начале 1764 года между Россией и Пруссией был заключен военный союз, русские войска вступили в Польшу, и сторонникам Понятовского были выделены огромные денежные субсидии.

7 сентября 1764 года Понятовский был избран королем. Впоследствии Екатерина так объясняла мотивы поддержки ею Понятовского: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому что из всех искателей он имел наименее прав, а следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России».

Однако не только король решал судьбу своего королевства: в Польше нашлось множество патриотов, которые отважились выступить против Понятовского и русских войск, чтобы сделать свою родину свободной и независимой. Это были польские аристократы братья Адам и Михаил Красиньские, Юзеф Пулаский, львовский архиепископ Сераковский и другие. 29 февраля 1768 года они создали Конфедерацию, которая стала называться «Барской» по имени города Бар в Подолии (ныне Винницкая область Украины).

Бар был расположен неподалеку от турецкой границы, равно как и города Каменец, Балта, Дубоссары, ныне входящие в состав Украины и Молдавии, а тогда образовывавшие южную приграничную полосу польских владений. Своими союзниками Барские конфедераты считали кого угодно, лишь бы это был враг России. И потому особое место в их планах занимала Турция, как наиболее традиционный и последовательный противник России, хотя один из современников резонно заметил: «Изгнать русских при помощи турок, значит зажечь дом для того, чтобы избавиться от мышей». И все же Турция решилась на войну с Россией, чтобы помешать усилению России в Польше.

Русско-турецкая война началась 25 сентября 1768 года, после того как в Константинополе был арестован российский посол Обрезков. Однако случилось это не сразу, а после того, как началось восстание Барских конфедератов, и Понятовский 26 марта обратился к Екатерине с просьбой о помощи.

На подавление восстания весной 1768 года двинулись крупные контингенты русских войск под командованием генералов Апраксина, Кречетникова и Прозоровского.

13 июня Кречетников занял Бердичев, полностью разграбив богатейший католический монастырь Босых Кармелитов, взятый после трехнедельной осады. В конце июня отряд

Апраксина взял Бар, а затем Прозоровский двинулся на Львов и у местечка Броды нанес конфедератам сильное поражение, после чего дивизии Апраксина и Прозоровского вошли в Великую Польшу и овладели Краковом.

После того как русские казаки заняли Балту и Дубоссары, где погибло множество турок, татар и молдаван, султан сначала потребовал убрать российские войска от границы, потом – из Подолии, а затем уже и из всей Польши.

Эти условия для России были, конечно же, неприемлемы и потому отвергнуты. Тогда 25 сентября 1768 года Турция объявила России войну.

К 1769 году в военных действиях принимало участие 150-тысячное войско. В 1769 году русские войска заняли турецкие крепости Хотин и Яссы, а русский флот из 97 кораблей вошел в Средиземное море. Им командовал «генералиссимус и генерал-адмирал всего Российского флота» Алексей Орлов. 25 июня 1770 года русский флот под его командованием нанес сокрушительное поражение турецкому флоту в Чесменской бухте Хиосского пролива. Было уничтожено 68 кораблей и около 10 тысяч моряков. В честь этой победы Алексей Орлов стал именоваться «Чесменским». А в июле армия фельдмаршала Румянцева в битвах при реке Ларче и реке Кагуле наголову разгромила турецкую армию.

Через год генерал-аншеф, князь Василий Долгоруков прорвался в Крым и поставил на колени вассальное от Турции Крымское ханство. Тогда же под Бухарестом князем Репниным был разбит большой отряд Ахмата-паши. Все это привело к тому, что в ноябре 1772 года был подписан договор с Крымским ханом Сахиб-Гиреем о переходе Крыма из-под власти Турции под власть России.

Именно в это время серьезные изменения произошли и в личной жизни императрицы: закатилась звезда Григория Орлова и меньше чем на два года возшла звездочка нового ее любимца – конногвардейского поручика Александра Васильчикова.

Екатерине шел сорок четвертый год, а тихому, скромному, бескорыстному фавориту Васильчикову почти в два раза меньше. Он тут же был пожалован флигель-адъютантом и камергером и в этом качестве принял участие в семейных торжествах государыни, когда ее сын – Великий князь и наследник престола Павел Петрович – праздновал свое совершеннолетие и свадьбу с Гессен-Дармштадтской принцессой Вильгельминой.

Цесаревич Павел и Вильгельмина Гессен-Дармштадтская

29 сентября 1773 года в Петербурге торжественно отмечалось совершеннолетие Павла Петровича – ему накануне исполнилось девятнадцать лет – и одновременно праздновалась его свадьба с восемнадцатилетней Гессен-Дармштадтской принцессой Вильгельминой, ставшей в России Великой княгиней Натальей Алексеевной. Невеста не была первой любовью Павла, хотя следует признать, что серьезных увлечений у него еще не было.

Юный цесаревич увлекался то одной фрейлиной, то другой, о чем доверчиво рассказывал своему воспитателю Порошину. Павел даже сочиняет стихи в честь одной прелестницы:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Несмотря на рано пробудившуюся в нем чувственность, Павел долго сохранял некоторую стыдливость и целомудрие.

С годами, не без влияния опекавших его фаворитов матери, увлечения Павла стали не столь платоническими.

А когда он из подростка превратился в юношу, его ухаживания за фрейлинами и смазливými дворцовыми служанками начали беспокоить Екатерину и заставили ее подумать о том, чтобы женить возмужавшего сына.

Екатерина стала подыскивать невесту сыну еще в 1771 году. После долгих поисков решено было остановиться на Вильгельмине, и не только потому, что она была хороша собой, умна и обходительна, но еще и потому, что ее сестра Фредерика была женой наследника прусского престола Фридриха-Вильгельма. Впрочем, приятная наружность и обходительность сочетались в Вильгельмине с холодностью, честолюбием и настойчивостью в достижении цели.

В апреле 1773 года Екатерина пригласила Дармштадтскую герцогиню Генриетту-Каролину – мать Вильгельмины – приехать в Петербург с тремя дочерьми, чтобы познакомиться с будущими родственниками. И мать, и дочери были бедны, и потому Екатерина выслала для предстоящего путешествия 80 тысяч гульденов и, кроме того, отправила в Любек три корабля.

На одном из них – корвете «Быстром» – капитаном был один из ближайших друзей цесаревича девятнадцатилетний капитан-лейтенант граф Андрей Кириллович Разумовский, любимый сын гетмана Разумовского.

Н. Деланвер. «Цесаревич Павел Петрович в адмиральском мундире». 1769 г.

Несмотря на свой юный возраст, Андрей был искушен в жизни и уже многое успел сделать и пережить. Обладая блестящими способностями, он в семнадцать лет окончил Страсбургский университет, тотчас поступил во флот и вскоре отправился в Архипелагскую экспедицию с эскадрой адмирала Свиридова. Он участвовал в Чесменском бою, после чего был назначен командиром фрегата «Екатерина». Возвратившись в Петербург, Разумовский стал камер-юнкером и попал в ближайшее окружение Павла. Встреча невесты цесаревича была одним из первых серьезных поручений молодого придворного – красивого, статного и самоуверенного, без труда кружившего головы многим светским барышням.

Еще до начала морского перехода Андрей Разумовский сумел покорить невесту своего друга цесаревича, который ему безгранично верил и считал вернейшим своим товарищем. Впрочем, кажется, и он искренне влюбился в Вильгельмину.

Однако принцессу, ее мать и сестер пригласили не на «Быстрый», а на один из других кораблей, и, разумеется, сделано это было не случайно.

В пути от Любека к Ревелю, где заканчивалось морское путешествие и откуда Гессен-Дармштадтское семейство должно было далее следовать в Петербург сухим путем, их

встретил камергер барон Черкасов. К несчастью для Андрея Разумовского, его корабль не оправдал названия и на несколько суток отстал от двух других кораблей. Черкасов, узнав о подозрениях придворных относительно Вильгельмины и Разумовского, поспешил с отъездом, не дожидаясь, пока «Быстрый» придет в Ревель.

15 июня, неподалеку от Гатчины, герцогский поезд встретил Григорий Орлов и пригласил дорогих гостей к себе в поместье отдохнуть с дороги и пообедать, сказав, что у него в доме их ждут несколько дам.

В Гатчине их действительно ждали: это были сама Екатерина и сестра фельдмаршала Румянцева графиня Прасковья Александровна Брюс. Из Гатчины все они поехали в Царское Село, встретив по дороге цесаревича и его воспитателя Никиту Панина. Пересев в восьмиместный фаэтон, компания наконец прибыла в отведенные для гостей апартаменты.

Павел влюбился в Вильгельмину с первого взгляда, и через три дня Екатерина официально попросила ее руки для своего сына у герцогини Генриетты.

15 августа произошло миропомазание принцессы Вильгельмины, принявшей православное имя Натальи Алексеевны, а на следующий день – ее обручение с Павлом Петровичем. А через полтора месяца состоялась и свадьба, продолжавшаяся с необычайной пышностью две недели.

Несмотря на блеск великого праздника, в первый же день свадьбы, 29 сентября 1773 года, многие стали предрекать новой семье несчастье, ибо именно в этот день в Петербурге впервые распространился слух о появлении в Оренбургских степях мятежных шаек Пугачева, назвавшего себя Петром III. Каково было слышать все это цесаревичу Павлу Петровичу!

Казак Пугачев и немец-подпоручик Шванвич

А теперь, оставив на время Петербург, перенесемся на бунташный Яик, где в самом конце 1772 года, в шестидесяти верстах от Яицкого городка (точнее Верхнего Яицкого городка, так как был еще и Нижний Яицкий городок; теперь первый из них носит название Уральск, а второй – Гурьев), в одинокой хижине на Таловом Умете, – глухом постоялом дворе, хозяином которого был наивный и простодушный пахотный солдат Степан Оболяев, носивший прозвище Еремина Курица, – некий странник объявил, что он не кто иной, как император Петр Федорович.

Как только об этом стало известно в Петербурге, в Военной коллегии идентифицировали персону самозванца с беглым донским казаком Емельяном Ивановичем Пугачевым.

Оказалось, что он был уроженцем Зимовейской станицы на Дону, той самой, где полтора столетия назад родился и Степан Разин. В документах не сохранилась точная дата его рождения, считали, что к моменту своего самозванства было ему около тридцати лет. С восемнадцати лет служил он в армии, принимал участие в Семилетней войне и в русско-турецкой. За «отличную проворность и храбрость» в 1770 году был произведен в хорунжие, но вскоре из-за болезни отпущен домой. Однако в Зимовейской Пугачев не усидел и ушел странствовать. Он побывал в Таганроге, в Черкасске и наконец добрался до Терека. Оттуда, по поручению терских казаков, Пугачев отправился в Петербург, чтобы передать в Военную коллегию просьбу об улучшении их положения и увеличении хлебного и денежного жалованья. Не успев сделать и нескольких верст, он был арестован в Моздоке, но на четвертый день из-под ареста бежал. Едва он добрался до Зимовейской станицы, как его снова арестовали, но и на этот раз ему удалось бежать. Он отправился в раскольничьи скиты на реке Сож, а оттуда – за Волгу, в дворцовую Малыковскую волость, на реку Иргиз, где также обосновались раскольники. Но и там он не задержался, а двинулся на Яик и, добравшись до Талового Умета, объявил себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром III, готовым помочь солдатам, казакам, раскольникам, крестьянам – всем, кого называли «черным, подъяремным людом», – хотя бы немного улучшить их беспроектную жизнь.

Сначала в тайну Петра Федоровича были посвящены немногие, потом слух о нем распространился по всему Яику.

17 сентября 1773 года на хуторе казака Михаила Толкачева первые восемьдесят казаков, татар и башкир принесли присягу на верность Петру Федоровичу, и он повел их к Яицкому городку. Крестьянская война началась.

По дороге в плен к восставшим попал сержант Дмитрий Кальминский, объезжавший форпосты с приказом арестовать самозванца. Казаки хотели повесить Кальминского, но Пугачев простил его и назначил писарем. Так на службе у самозванца в первый же день Крестьянской войны появился дворянин.

В последующем еще несколько дворян оказались в лагере Пугачева, но, как правило, их переход к самозванцу не был добровольным и объяснялся страхом за свою жизнь.

Так случилось и с подпоручиком Михаилом Александровичем Шванвичем, сыном Александра Мартыновича Шванвича, о стычках которого с братьями Орловыми было рассказано в предыдущих главах.

Судьба Михаила Шванвича, участника Пугачевского бунта, не имеет прямого отношения к главной теме этой книги, но она интересна хотя бы потому, что сам Пушкин сделал подпоручика действующим лицом трех своих произведений: «Истории Пугачева», «Замечаний о бунте» и «Капитанской дочки». В последней повести Шванвич послужил прототипом Алексея Швабрина.

...Михаил Шванвич был вторым сыном лейб-компанца Александра Шванвича, женатого на немке Софье Фохт. Он родился в 1755 году, и по просьбе отца крестной матерью новорожденного стала 46-летняя императрица Елизавета Петровна, восприемница и Александра Шванвича.

Получив неплохое домашнее образование и выучив «указные науки: по-русски, по-французски, по-немецки читать и писать, также часть математики, фехтовать, рисовать и манежем ездить», Михаил пошел на военную службу, вступив в старый, боевой петровский Ингерманландский карабинерный полк. Там дослужился до чина вахмистра. В 1770–1771 годах Шванвич принял участие во Второй турецкой кампании, побывав однажды в жарком бою под Негоештами, после чего попал в ординарцы к генералу Григорию Александровичу Потемкину – будущему фавориту Екатерины II и будущему Светлейшему князю и генерал-фельдмаршалу.

В сентябре 1773 года Шванвича с ротой гренадер отправили в Симбирск для приема и отвода рекрутов. Но на пути в Симбирск, в Муроме, командир роты поручик Карташов получил приказ «с крайним поспешанием идти в Казань». Затем маршрут следования изменили еще раз, приказав двигаться к Оренбургу – центру пугачевского бунта.

К этому времени в Петербурге только-только узнали о происшествиях на Яике и посчитали, что начавшиеся «замятия и гиль» – обычное казацкое «воровство», не очень-то и грозное. Исходя из этого, правительство приказало обезвредить мятежников собственными силами, пообещав за голову Пугачева 500 рублей. (Позже эта награда выросла до 28 тысяч.)

В сентябре пугачевцы взяли полдюжины небольших крепостей, а в начале октября блокировали Оренбург.

На помощь осажденным вышел карательный отряд генерала Василия Кара численностью в 3500 человек при десяти пушках, но в трехдневном бою 7–9 ноября под деревней Юзеевой был разбит восставшими и бежал, за что генерал был уволен со службы с запрещением жить в столицах.

В этом же районе оказалась и рота поручика Карташова, в которой служил Михаил Шванвич.

Рота сдалась без боя. Карташова и еще одного офицера пугачевцы казнили тут же, а сдавшихся на их милость поручика Волженского и подпоручика Шванвича доставили вместе со всеми солдатами в село Берду, где сам Пугачев, узнав, что Волженский и Шванвич любимы солдатами, велел первому быть атаманом, а второму – есаулом и «быть над гренадерами, так, как и прежде, командирами».

Гренадеры присягнули Пугачеву на верность и поочередно приложились к его руке. Вместе с ними сделали то же самое и их командиры – атаман Волженский и есаул Шванвич.

Пугачев побеседовал со Шванвичем и, узнав, что тот знает немецкий и французский языки, велел вновь испеченному есаулу заведовать в его канцелярии иностранной перепиской.

Шванвич участвовал в бунте почти до самого конца, и по судьбе пленного подпоручика можно проследить ход пугачевского восстания. Вместе с Пугачевым Шванвич принимал участие в полугодовой осаде Оренбурга, под стенами которого сосредоточилось до 25 тысяч мятежников при 86 пушках. А вокруг Оренбурга – в Казанской губернии, Западной Сибири, Западном Казахстане и Башкирии – действовали крупные отряды сторонников Пугачева.

В декабре 1773 года на подавление восстания был двинут отряд генерал-аншефа Александра Бибикова численностью в 6500 солдат и офицеров при 30 орудиях. Бибиков разбил отряды повстанцев под Самарой, Кунгуром и Бузулуком и двинулся к Оренбургу.

В это трудное для Пугачева время Шванвич, в противоположность другим офицерам-дворянам, оказавшимся в рядах повстанцев, сохранял верность самозванцу.

В феврале 1774 года Шванвич из есаулов был произведен в атаманы и командиры солдатского полка вместо Волженского, казненного пугачевцами за подготовку «изменниче'ского действия»: Волженский и еще один бывший офицер, Остренев, решили заклепать пушки бунтовщиков и тем самым вывести их из строя. Их разоблачили и приготовили к повешенью. После казни Волженского и Остренева атаман Шванвич командовал всеми солдатами, согласившимися служить Пугачеву, и таким образом оказался в одном ряду с другими пугачевскими атаманами и полковниками. Закончил же он свою карьеру в армии Пугачева секретарем Военной коллегии – высшем органе руководства повстанческим войском. В марте 1774 года отряды Пугачева были разбиты под крепостью Татищевой, и, узнав об этом, Шванвич бежал в Оренбург и сдался на милость губернатора Рейнсдорпа.

По иронии судьбы, Рейнсдорп учился в Академической гимназии у деда Шванвича и был хорошо им аттестован. Рейнсдорп, не вдаваясь в подробности о службе Шванвича у Пугачева, снова привел его к присяге и отправил служить в отряд князя Голицына. Однако князь, узнав о службе Шванвича у бунтовщиков, велел посадить его в тюрьму.

17 мая на допросе в Оренбурге Шванвич заявил, что служил Пугачеву «из страха, боясь смерти, а уйти не посмел, ибо, если бы поймали, то повесили».

...Пугачевские войска были разгромлены летом 1774 года, когда против повстанцев выступили 20 пехотных и кавалерийских полков, казачьи части и отряды добровольцев-дворян. Общее руководство войсками осуществлял генерал-аншеф Петр Иванович Панин, один из лучших полководцев российской армии. А 2 сентября в Царицын в распоряжение Панина прибыл генерал-поручик Александр Суворов.

Разве мог устоять Пугачев против такой силы?

Он заметался в разные стороны, а потом бежал в завожские степи. Люди из его окружения, которым он более всего верил, спасая собственные жизни, предали своего атамана. Пугачев был ими схвачен, повязан, пленен и в ночь с 15 на 16 сентября доставлен в Яицкий городок.

Затем Пугачева с женой Софьей и сыном Трофимом под конвоем двух рот пехоты, двух сотен казаков и при двух орудиях повезли для дальнейших допросов в Симбирск.

Самого Пугачева везли в железной клетке, показывая стекавшимся к дороге людям. Командовал конвоем сам Суворов.

Рано утром 4 ноября Пугачева ввели в Москву и докрашивали в течение трех месяцев. 31 декабря 1774 года суд приговорил его к четвертованию, а четырех его сподвижников – к повешению.

10 января 1775 года в Москве, на Болотной площади, он был обезглавлен – Екатерина заменила четвертование отсечением головы. Шванвича приговорили, «лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломая над ним шпагу».

10 января 1775 года, в тот самый день, когда на Болотной площади был казнен Пугачев и четверо его сообщников, там же был совершен и обряд гражданской казни над Шванвичем. После этого его сослали в Туруханск – гиблое место на краю света, в низовьях Енисея. Там и прожил Шванвич 27 лет, добывая средства к существованию тяжелой работой, охотой и рыбной ловлей.

Умер он в Туруханске в ноябре 1802 года.

Фавориты Екатерины – от Васильчикова до Римского-Корсакова

Фаворитизм как система, при которой многие государственные вопросы решались под влиянием сменяющих друг друга любимцев, был характерной чертой правления Екатерины II. Но если в Григории Орлове и его братьях императрица нуждалась как в опоре трона и могучей силе, стоящей во главе русской лейб-гвардии, то следующий ее фаворит, подпоручик-кавалергард Васильчиков, был не более чем забава и альковное утешение.

Васильчиков появился через десять лет после переворота 1762 года, когда Екатерина была полновластной самодержицей, не нуждавшейся более в офицерах, которые защищали бы ее и престол, и теперь она могла позволить себе роскошь приблизить к своей особе молодого красавца, в чьи функции входили лишь заботы о любовных утехх с государыней.

3 августа 1772 года прусский посланник в Петербурге граф Сольмс писал королю Фридриху II, весьма охочему до всяких интимных подробностей: «Не могу более воздержаться и не сообщить Вашему Величеству об интересном событии, которое только что случилось при этом дворе. Отсутствие графа Орлова обнаружило весьма естественное, но, тем не менее, неожиданное обстоятельство: Ее Величество нашла возможным обойтись без него, изменить свои чувства к нему и перенести свое расположение на другой предмет. Конногвардейский поручик Васильчиков, случайно отправленный с небольшим отрядом в Царское Село для несения караулов, привлек внимание своей Государыни... При переезде двора из Царского Села в Петергоф Ее Величество в первый раз показала ему знак своего расположения, подалив золотую табакерку за исправное содержание караулов. Этому случаю не придали никакого значения, однако частые посещения Васильчиковым Петергофа, заботливость, с которою она спешила отличить его от других, более спокойное и веселое расположение ее духа со времени удаления Орлова, неудовольствие родных и друзей последнего, наконец множество других мелких обстоятельств уже открыли глаза царедворцам. Хотя до сих пор все держится в тайне, но никто из приближенных не сомневается, что Васильчиков находится уже в полной милости у императрицы; в этом убедились особенно с того дня, когда он был пожалован камер-юнкером...

Некоторая холодность Орлова к императрице за последние годы, поспешность, с которою он в последний раз уехал от нее, оскорбившая ее лично, наконец обнаружение многих измен, – все это вместе взятое привело императрицу к тому, чтобы смотреть на Орлова, как на недостойного ее милостей».

Орлов был изрядным повесой и сердцеедом еще до того, как сблизился с Екатериной. Статус фаворита мало что изменил в его отношениях с женщинами. Уже в 1765 году, за семь лет до разрыва с Екатериной, французский посланник в России Беранже писал из Петербурга герцогу Праслину о Григории Орлове: «Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя гнев императрицы за свою угодливость Орлову, но, по-видимому, пользуются ее расположением. Сенатор Муравьев, накрывший с ним свою жену, едва не сделал скандала, прося развода. Царица умиротворила его, подарив земли в Ливонии».

Позднее Григорий Орлов был наречен отцом девицы Елизаветы Алексеевой, о которой говорили, что она его дочь от императрицы. Но имелась и другая версия происхождения Алексеевой.

Наступил момент, когда многочисленные похождения фаворита переполнили чашу терпения Екатерины, и она решилась на разрыв.

Выбор ею Васильчикова случайным не был: его «подставил» скучающей сорокатрехлетней императрице умный и тонкий интриган граф Никита Панин, к тому же весьма недвольный деятельностью Орлова на переговорах с турками, так как и он, Панин, как глава Коллегии иностранных дел нес ответственность за их исход. Александр Семенович Васильчиков был родовит, но небогат. Молодой офицер показался Панину подходящей кандидатурой, ибо был хорош собой, любезен, скромен и отменно воспитан.

Как пишет Гельбиг, Панин и братья Чернышевы, сговорившись друг с другом, представили Васильчикова скучающей в одиночестве Екатерине.

Орлов уехал на Конгресс в Фокшаны, где должны были состояться переговоры с турками, 25 апреля, а уже через одиннадцать дней – 5 мая – в «Камер-Фурьерском журнале» впервые появилось имя Васильчикова, который тотчас же с соизволения Екатерины занял апартаменты Григория Орлова и тут же стал камергером и кавалером ордена Александра Невского.

Однако, прежде чем поселиться в покоях Орлова, молодой и робкий конногвардеец был подвергнут многократному испытанию на служебное соответствие в выполнении прямых обязанностей фаворита императрицы.

Вот что писал об этой непростой и весьма ответственной процедуре хорошо осведомленный в дворцовых интригах уже известный нам Александр Тургенев:

«В царствование Великой посылали обыкновенно к Анне Степановне (Протасовой. – В. Б.) на пробу избираемого в фавориты Ее Величества. По осмотре предназначенного в высокий сан наложника матушке-государыне лейб-медиком Роджерсоном и по удостоверению представленного годным на службу относительно здоровья, препровождали завербованного к Анне Степановне Протасовой на трехнощное испытание.

Когда нареченный удовлетворял вполне требования Протасовой, она доносила всемиловитейшей государыне о благонадежности испытанного, и тогда первое свидание было назначено по заведенному этикету двора или по уставу, высочайше для посвящения в сан наложника конфирмованному. Перекусихина Марья Саввишна и камердинер Захар Константинович были обязаны в тот день обедать вместе с избранным. В 10 часов вечера, когда императрица была уже в постели, Перекусихина вводила новобранца в опочивальню благочестивейшей, одетого в китайский шлафроко, с книгою в руках и оставляла его для чтения в креслах подле ложа помазанницы. На другой день Перекусихина выводила из опочивальни посвященного и передавала его Захару Константиновичу, который вел новопоставленного наложника в приготовленные для него чертоги; здесь докладывал Захар уже раболепно фавориту, что Всемиловитейшая Государыня высочайше соизволила назначить его при высочайшей особе своей флигель-адъютантом, подносил ему мундир флигель-адъютантский, шляпу с бриллиантовым аграфом и 100 000 рублей карманных денег. До выхода еще государыни – зимою в Эрмитаж, а летом – в Царском Селе, в сад, прогуляться с новым флигель-адъютантом, которому она давала руку вести ее, передняя зала у нового фаворита наполнялась первейшими государственными сановниками, вельможами, царедворцами, для принесения ему усерднейшего поздравления с получением высочайшей милости. Высокопреосвященнейший пастырь митрополит приезжал обыкновенно к фавориту на другой день посвящения его и благословлял его святою иконою!»

Впоследствии процедура усложнялась, и после Потемкина фаворитов проверяла не только «пробир-фрейлина» Протасова, но и графиня Брюс, и Перекусихина, и Уточкина. В случае же с Васильчиковым обошлось, кажется, не столь сложным испытанием. После этого его наставником по дворцовым делам стал князь Ф. С. Барятинский – один из убийц Петра III. Барятинский был посвящен в интригу с самого начала и успешно сыграл роль добровольного сводника. Роман с Васильчиковым только начался, как в Яссы от одного из братьев Орловых пришло известие о случившейся в Петербурге перемене. Григорий Григо-

рьевич немедленно бросил все и помчался в Зимний дворец. Он скакал день и ночь, надеясь скорым появлением изменить положение в свою пользу. Но его надеждам не суждено было осуществиться: за много верст до Петербурга его встретил царский фельдъегерь и передал личное послание императрицы, которая категорически потребовала «избирать для временного пребывания Ваш замок Гатчину». Орлов повиновался беспрекословно, тем более что в рескрипте указывалась и причина: «Вам нужно выдержать карантин». А он ехал с территории, где свирепствовала чума. И потому у него не было резона не подчиниться приказу царицы.

* * *

Уже известный нам Гельбиг писал: «Воспитание и добрая воля лишь в слабой степени и на короткое время возмещают недостаток природных талантов. С трудом удержал Васильчиков милость императрицы неполные два года...

Когда Васильчиков был в последний раз у императрицы, он вовсе не мог даже предчувствовать того, что ожидало его через несколько минут. Екатерина расточала ему самые льстивые доказательства милости, не давая решительно ничего заметить. Едва только простодушный избранник возвратился в свои комнаты, как получил высочайшее повеление отправиться в Москву. Он повиновался без малейшего противоречия... Если бы Васильчиков, при его красивой наружности, обладал большим умом и смелостью, то Потемкин не занял бы его место так легко. Между тем Васильчиков прославился именно тем, чего ни один из любимцев Екатерины не мог у него оспорить – он был самый бескорыстный, самый любезный и самый скромный. Он многим помогал и никому не вредил. Он мало заботился о личной выгоде и в день отъезда в Москву был в том же чине, какой императрица пожаловала ему в первый день своей милости. Васильчиков получил за время менее двух лет, что он состоял в любимцах, деньгами и подарками 100 тысяч рублей, 7 тысяч крестьян, приносящих 35 тысяч рублей ежегодного дохода, на 60 тысяч рублей бриллиантов, серебряный сервиз в 50 тысяч рублей, пожизненную пенсию в двадцать тысяч и великолепный, роскошно меблированный дом в Петербурге, который императрица потом купила у Васильчикова за 100 тысяч рублей и подарила в 1778 году другому фавориту – Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову. Вскоре по удалении от двора Васильчиков женился и был очень счастлив».

Придворные недоумевали, почему столь быстро и столь внезапно произошла такая странная и неожиданная перемена?

А перемена эта не была ни странной, ни неожиданной. Однако для того чтобы понять, как и почему все это случилось, следует вернуться назад и пристально присмотреться к человеку, внезапно появившемуся на горизонте, – 35-летнему кавалерийскому генералу Григорию Александровичу Потемкину.

...Секретари и столонячальники из Герольдии, старые придворные и генералы делились воспоминаниями об отце Потемкина, о его дядьях и со стороны отца, и со стороны матери, а люди из ученого сословия припоминали, что как будто в Московском университете или же в лицее при нем когда-то видели они и самого Григория Александровича.

Постепенно картина прояснилась.

Григорий Александрович Потемкин родился в селе Чижове, близ Смоленска, 13 сентября 1739 года и, стало быть, был десятью годами младше государыни.

Г. А. Потемкин. Художник Дж. Уокер. 1792 г.

Отец Потемкина – отставной шестидесятипятилетний подполковник Александр Васильевич Потемкин, первым браком женат был на своей сверстнице, однажды поехал из Смоленской губернии в Тульскую, в Алексинский уезд, сельцо Маншино, и там нечаянно увидел бездетную красавицу-вдову Дарью Васильевну Скуратову, старше которой он был на тридцать лет. Утаив, что он женат, и объявив себя вдовцом, Потемкин повенчался с Дарьей Васильевной и остался жить в Маншино. Вскоре молодая жена оказалась в положении и вдруг узнала, что ее муж – двоеженец. Дарья Васильевна добилась того, чтобы Потемкин отвез ее в смоленское имение и там познакомил со своей женой. Та, будучи женщиной доброй, милосердной, довольно старой и к тому же за долгие годы изрядно намучившейся со старым подполковником, по собственной воле ушла в монастырь и тем самым утвердила брак Дарьи Васильевны с Потемкиным.

Этот брак, весьма поздний для Александра Васильевича, оказался чрезвычайно плодотворным: у старого полковника, кроме сына Григория, родилось еще и пять дочерей – Мария, Пелагея, Марфа, Дарья и Надежда.

Мать Григория Александровича Дарья Васильевна Потемкина была хороша собой и умна и передала эти качества своему сыну, который впоследствии невзлюбил ее за то, что она осуждала его за разврат с собственными племянницами – всеми, как на подбор, писаными красавицами, – которых у него было пять. Дело дошло до того, что Потемкин перестал переписываться с матерью, а получая от нее письма, бросал их в огонь, не распечатав. Но это будет гораздо позже, а в детстве он был добр, весел, красив и необычайно легко схватывал все, о чем ему говорили. Александр Васильевич Потемкин умер в 1746 году, когда Грише

исполнилось семь лет. Дарья Васильевна, овдовев, вместе с дочерьми переехала в Москву, где уже два года ее Гриша жил в доме своего двоюродного дяди – Кисловского.

Гришу отдали сначала в немецкую школу Литке, а потом, с открытием университетского лицея, перевели туда.

В 1757 году Потемкин оказался среди двенадцати лучших учеников, посланных в Петербург, где все они были представлены императрице Елизавете Петровне.

Двор, его роскошь, совсем иные, чем в Москве, нравы разбудили в душе молодого человека то, что уже давно в ней дремало: честолюбие, стремление к богатству, почестям и славе. Вернувшись в Москву, Потемкин стал другим: он говорил товарищам, что ему все равно, где и как служить, лишь бы только стать первым, а будет ли он генералом или архиереем – значения не имеет.

По-видимому, уже в Петербурге Потемкин решил серьезно переменить ход своей жизни. Следует заметить, что в мае 1755 года он был записан в Конную гвардию и с этого времени считался в домашнем отпуске для пополнения знаний.

Возвратившись в Москву, Григорий захандрил, перестал ходить в гимназию и через три года был исключен «за леность и нехождение в классы» вместе со своим однокашником и приятелем Николаем Новиковым – будущим великим русским просветителем.

К этому времени в полку он был уже произведен в каптенармусы, а когда приехал туда, оставив Москву, тут же получил чин вице-вахмистра и назначение в ординарцы к дяде цесаревича Петра Федоровича – принцу Георгу Голштинскому. Не прошло и года, как Потемкин стал вахмистром. Первые два года его жизни в Петербурге мало известны. Настоящая карьера Потемкина начинается с лета 1762 года, с его участия в дворцовом перевороте.

Среди 36 наиболее активных сторонников переворота, награжденных Екатериной, Потемкин значится последним, хотя ему было дано 10 тысяч рублей, 400 душ крестьян, чин поручика, серебряный сервиз и придворное звание камер-юнкера. Вспомним, что он был и в Ропше, сидя за одним столом с убийцами Петра III.

Однако участие в перевороте на первых порах мало что дало молодому офицеру. В связи с восшествием на престол Екатерины II был он послан в Стокгольм, чтобы сообщить об этом шведскому королю Густаву III. Отношения между Россией и Швецией были в это время довольно натянутыми, и последнее обстоятельство делало миссию Потемкина не очень простой.

Когда Потемкин прибыл в королевский Дроттигамский дворец, его повели через анфиладу залов. В одном из них шведский вельможа, сопровождавший Григория Александровича, обратил его внимание на развешанные там русские знамена. «Посмотрите, сколько знаков славы и чести наши предки отняли у ваших», – сказал швед. «А наши предки отняли у ваших», – ответил Потемкин, – еще больше городов, коими владеют и поныне».

Кажется, этот ответ, ставший почти сразу же известным и в Петербурге, был наибольшей удачей в служебной деятельности Потемкина в это время, потому что по возвращении в Петербург дела Григория Александровича пошли из рук вон плохо.

Екатерина, остро нуждавшаяся в молодых, энергичных и образованных помощниках, направила несколько десятков офицеров в гражданскую администрацию, сохраняя за ними их военные чины и оклады. Среди этих офицеров оказался и Потемкин, направленный обер-секретарем Святейшего Синода. Казалось, что фортуна сама предложила выбор Григорию Александровичу – генерал или архиерей? – потому что, пожелай он принять сан, ему в этом едва ли бы отказали.

И Потемкин, часто принимавший решения по настроению, капризу или прихоти, чуть не стал монахом. Однажды, пребывая в сугубой меланхолии, не веря в удачу при дворе, он решил постричься. К тому же произошла у него немалая неприятность – заболел левый

глаз, а лекарь оказался негодным – был он простым фельдшером, обслуживавшим Академию художеств, – и приложил больному такую примочку, что молодой красавец окривел.

Эта неудача вконец сокрушила Потемкина, и он ушел в Александро-Невский монастырь, надел рясу, отпустил бороду и стал готовиться к пострижению в монахи.

Об этом узнала Екатерина и пожаловала в монастырь. Говорили, что она, встретившись с Потемкиным, сказала: «Тебе, Григорий, не архиереем быть. Их у меня довольно, а» ты у меня один таков, и ждет тебя иная стезя».

Потемкин сбрил бороду, снял рясу, надел офицерский мундир и, отбросив меланхолию, появился, как ни в чем не бывало, во дворце.

В 1768 году Потемкин был пожалован в камергеры, но с самого начала войны с Турцией ушел волонтером в армию Румянцева и за пять лет войны был почти непрерывно в боях. Он стал признанным кавалерийским военачальником, участвуя в сражениях при Хотине, при Фокшанах, при Браилове, под Журжой, при Рябой Могиле, при Ларге и Кагуле, в других походах и кампаниях. Он получил ордена Анны и Георгия 3-го класса и 33-х лет стал генерал-поручиком.

В январе 1774 года Екатерина вызвала его в Петербург, а в феврале он получил чин генерал-адъютанта. Последнее обстоятельство было более чем красноречивым свидетельством того, что в новый «случай» приходит новый фаворит и что песенка и Орлова, и Васильчикова – спета. Во дворце появился сильный, дерзкий, могучий и телом и душой, умный и волевой царедворец, генерал и администратор, который сразу же вошел во все важнейшие государственные дела, необычайно быстро продвигаясь по служебной лестнице.

Не успел Потемкин стать генерал-адъютантом, как тут же стал подполковником Преображенского полка, а следует заметить, что, как правило, в этом звании оказывались чаще всего генерал-фельдмаршалы, ибо традиционно его полковником был сам царь или царица. Что мог противопоставить «великому циклопу» кроткий и застенчивый Васильчиков?

Он, как мы уже знаем, оставил дворец, уехал в Москву и там узнал от хорошо осведомленных светских сплетников, что императрица уже давно больна любовным недугом к блистательному кавалерийскому генералу. Однако, хотя все это было истинной правдой, дело заключалось не только в любовном влечении. Екатерина угадала в Потемкине человека, на которого можно положиться в любом трудном и опасном деле, когда потребуются твердая воля, неукротимая энергия и абсолютная преданность делу.

Отставка Васильчикова лишь неосведомленным в любовных и государственных делах Екатерины могла показаться внезапной. На самом же деле Екатерина почти с самого начала этой связи тяготилась ею, о чем чистосердечно призналась новому предмету своей страсти, тогда еще потенциальному фавориту Григорию Александровичу Потемкину.

В письме к нему она откровенно исповедалась в своих прежних прегрешениях, открывшись, что мужа своего она не любила, а Сергея Васильевича Салтыкова приняла по необходимости продолжить династию, на чем настояла Елизавета Петровна. Совсем по-иному обстояло дело с Понятовским. «Сей был любезен и любим, – писала Екатерина, – от 1755 до 1761 года по тригодишной отлучке, то есть от 1758 и старательства князя Ер. Ер. (то есть Григория Григорьевича Орлова. – В. Б.), которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мысли».

Далее Екатерина призналась, что она любила Орлова и что не ее вина в том, что между ними произошел разрыв. «Сей бы век остался, – писала Екатерина, – есть ли б сам не скучал, я сие узнала... и, узнав уже доверки иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации (*лат.* – безумства, отчаяния) выбор коя какой...»

Вот этот-то сделанный ею «выбор коя какой» – и не более того – и оказался Васильчиковым.

«Во время пребывания Васильчикова в фаворе, – писала Екатерина, – и даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу, и никогда более, как тогда, когда другие люди бывают довольные и всякие приласканья во мне слезы принуждала, так что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года; сначала я думала, что привыкну, но что далее, то – хуже, ибо с другой стороны (то есть со стороны Васильчикова. – В. Б.) месяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольнее не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его мне плакать принуждала».

И наконец пришло избавление от капризного, обидчивого и давно уже немилого Васильчикова. «Потом приехал некто Богатырь. Сей Богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что, услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть в нем склонность, о которой мне Брюсса (П. А. Брюс, дочь фельдмаршала Румянцева, жена графа Брюса, ее ближайшая подруга. – В. Б.) сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, чтобы он имел».

И в заключение этого чистосердечного признания Екатерина писала: «Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих; изволь видеть, что не пятнадцать (при дворе, перечисляя любовников императрицы, «знающие» люди чаще всего говорили о пятнадцати ее бывших «талантах»), но третья доля из них» (т. е. пять. – В. Б.).

Первого – поневоле (то есть С. В. Салтыкова) да четвертого (т. е. Васильчикова) из дешперации, я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно, о трех прочих, если точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если бы я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась; беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель, но напрасно я к тебе сие пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтобы я тебя позабыла, но, право, не думаю, чтоб такую глупость сделала, а если хочешь навек меня к себе привязать, то покажи мне столько ж дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду».

Вместе с тем Екатерина в другом письме предостерегала Потемкина от недоброжелательства к братьям Орловым, которых она искренне почитала своими друзьями и всегдашними сторонниками: «Только одно прошу не делать – не вредить и не стараться вредить князю Орлову в моих мыслях, ибо сие почту за неблагодарность с твоей стороны: нет чело века, которого он более мне хвалил, и более любил, и в прежнее время, и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А если он свои пороки имеет, то не тебе, не мне их расценить и расславить. Он тебя любит, и мне они друзья, и я с ними не расстанусь. Вот тебе – нравоученье – умен будешь – примешь. Не умно же будет противоречить сему, для того, что сущая правда».

Потемкин отлично все понял и в считанные месяцы сделал головокружительную карьеру.

10 июля 1774 года в связи с заключением очень выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мира «за споспешествование к оному добрыми советами» он был возведен в графское достоинство, в октябре пожалован чином генерал-аншефа, а в ноябре стал кавалером ордена Андрея Первозванного. В эти же месяцы он получил «за храбрость и неутомимые труды» шпагу, усыпанную алмазами, а «в знак Монаршего благоволения» еще и украшенный бриллиантами портрет Екатерины для ношения на груди.

С мая 1774 года Потемкин был введен в члены Совета и оставался в его составе до смерти. Но не административные успехи и не придворная карьера определяли его положение

при дворе. В 1774 году он был в глазах Екатерины «незакатным Солнцем», превратив ее в счастливую, любимую и любящую женщину, совершенно потерявшую из-за него голову.

Во многих письмах к Потемкину Екатерина называла его «дорогим и любимым супругом», «владыко и дорогой супруг».

Один из лучших знатоков этого периода Яков Барсков считал, что эти письма, а также рассказы осведомленных современников «дают повод решительно утверждать, что Потемкин был обвенчан с Екатериной. Уже один слух о том, что они были обвенчаны, создавал для Потемкина исключительное положение, особенно в первое время его «случая», в нем действительно видели «владыку», как называет его в письмах сама Екатерина, и оказывали царские почести при его поездках в подчиненные ему области или на театр военных действий. Как ни велико расстояние от брачного венца до царской короны, но по тем временам так же велико было расстояние, отделявшее случайного любовника царицы от ее мужа, которого она явно считала первым лицом в государстве после себя. Всем дальнейшим фаворитам она ставила в обязанность «поклоны» Потемкину в письмах и, по ее собственному примеру, почтительное с ним обращение при дворе. Это был царь, только без титула и короны».

О браке Екатерины с Потемкиным существует по меньшей мере три рассказа. По словам издателя журнала «Русский архив» Петра Бартенева, племянница и любовница Потемкина графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардт, передала князю Михаилу Воронцову, что запись об этом браке хранилась в особой шкатулке, которую затем вместе с документом бросил в море по пути из Одессы в Крым граф Строганов, получивший строгий наказ сделать это от своей матери – урожденной графини Браницкой.

По словам князя Григория Голицына, Екатерина и Потемкин венчались у Самсония, что на Выборгской стороне, поздно вечером. Ее духовник был уже там в готовности, а сопровождала императрицу одна лишь камер-фрау Перекусихина. Венцы держали граф Самойлов – племянник Потемкина и Чертков.

Наконец, внук Екатерины и Григория Орлова, граф Алексей Бобринский, говорил, что брачная запись положена была в гроб его деда графа Самойлова, а вторая брачная запись, полученная Перекусихиной, должна была храниться у князя Петра Волконского и у Чертковых. По слухам, венчание происходило осенью 1774 или в середине января 1775 года перед отъездом двора в Москву. Лето 1775 года новобрачные проводили в Коломенском и в Царичине. Казалось, что их отношения безоблачны, как их счастье, и прочны, как их любовь, но вскоре оказалось, что это совсем не так.

* * *

То, о чем будет рассказано ниже, до сих пор не получило какого-либо убедительного объяснения, поэтому сообщим конкретные факты, считающиеся бесспорными, а разъяснение или толкование произошедшего оставим на будущее: сегодня это – одно из маленьких белых пятен на карте российской истории.

Прошло всего несколько месяцев со дня венчания Екатерины и Потемкина, когда они, пожив в подмосковных селах, в середине лета 1775 года переехали в Москву, в дом князей Голицыных, что у Пречистенских ворот. С начала июля Москва жила ожиданием приезда победителя турок графа и фельдмаршала Румянцева. Однако Румянцев от триумфального въезда в город отказался и приехал к императрице к вечеру 8 июля в придворной карете, но без эскорта и без сопровождения, имея возле себя одного лишь дежурного офицера – тридцатисемилетнего полковника Петра Васильевича Завадовского, которого он взял с собою для ведения записей.

Екатерина встретила Румянцева на крыльце Голицынского дома и, обняв, расцеловала его. В эти же минуты она заметила и Завадовского, могучего, статного и исключительно кра-

сивого мужчину, который стоял, окаменев, ибо был поражен сердечностью встречи и простотой государыни, одетой в русский национальный костюм, очень шедший ей.

Заметив ласковый и заинтересованный взгляд императрицы, брошенный ею на Заводовского, фельдмаршал тут же представил красавца Екатерине, лестно о нем отозвавшись, как о человеке прекрасно образованном, трудолюбивом, честном и храбром.

Граф Российской империи, генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский

Екатерина мгновенно пожаловала новому знакомцу бриллиантовый перстень с выгравированным по золоту собственным ее именем и тут же назначила его своим кабинет-секретарем.

10 июля начались необычайно пышные празднества по поводу заключения мира с Турцией, мало чем уступавшие коронационным торжествам: так же звенели колокола и гремели пушки, рекой лилось вино и ломились от яств столы, но в парадном шествии в Кремле Румянцев шел первым, а Екатерина и цесаревич Павел с женой Натальей Алексеевной шли следом.

Румянцеву к его титулу было добавлено прозвище «Задунайский», поднесены осыпанные алмазами фельдмаршальский жезл и шпага, крест и звезда ордена Андрея Первозванного, золотая медаль с его изображением и золотой лавровый венок. Были подарены 5000 душ, 100 000 рублей, серебряный сервиз и картины для убранства дома. Царские почести были оказаны и матери фельдмаршала, семидесятисемилетней графине Марии Андреевне Румянцевой, в девичестве – графине Матвеевой. Она была посажена за стол с их Императорскими Высочествами, а сам фельдмаршал сидел за столом Екатерины. Старые придворные

помнили историю двадцатилетней Матвеевой с Петром Великим и в этом приеме находили подтверждение тому, что Петр Румянцев – сын первого российского императора.

Дождь наград пролился на многих сподвижников победителя. Не был обойден и Завадовский, получивший сразу два чина – генерал-майора и генерал-адъютанта.

Екатерина пробыла в Москве до 7 декабря 1775 года, часто встречаясь с Румянцевым и ежедневно общаясь со своим новым кабинет-секретарем, который ведал ее личной канцелярией, доходами и расходами и в силу этого становился одним из самых приближенных к императрице людей, посвященных во многие ее дела и секреты.

По возвращении из Москвы в Петербург Завадовский стал не менее влиятельным царедворцем, чем Потемкин. Сановники высших классов начали искать у него протекции, набивались в друзья, демонстрируя Завадовскому нерасположение к их вчерашнему кумиру – Потемкину.

Потемкин же перед Екатериной стал играть роль обиженного и в апреле 1776 года попросился в Новгородскую губернию для инспектирования войск: он был вице-президентом Военной коллегии, и его просьба была небезосновательной. И все же Потемкин, вероятно, надеялся, что получит отказ, но последовало немедленное согласие, и Потемкину не оставалось ничего другого, как столь же немедленно уехать.

Не успел он скрыться из глаз, как Завадовский переехал во дворец, правда еще не занимаемая потемкинские апартаменты.

* * *

Недоброжелатели «одноглазого Циклопа» рано принялись ликовать, когда Потемкин был отодвинут в сторону Завадовским. Он не сдался, а стал искать способы и средства вернуть бывшее расположение Екатерины в полной мере. Прежде всего он решил во что бы то ни стало убрать Завадовского из апартаментов императрицы, даже если в этих комнатах окажется не он сам, а кто-нибудь другой, кого именно он, Потемкин, поставит на освободившееся место.

Таким человеком оказался георгиевский кавалер, герой-кавалерист, тридцатилетний красавец-серб Семен Гаврилович Зорич. Потемкин взял его к себе в адъютанты и почти сразу же представил к назначению командиром лейб-гусарского эскадрона и лейб-казацких команд с одновременным производством в подполковники. Так как лейб-гусары и лейб-казаки были личной охраной императрицы, то назначению Зорича на должность их командира должно было предшествовать личное представление Екатерине.

26 мая 1777 года Потемкин устроил аудиенцию императрицы с потенциальным фаворитом – смуглым, изящным, кареглазым, затянутым в голубой гусарский мундир, – и сразу же понял, что выбор сделан верно: Екатерина показала это при первом свидании с Зоричем. Еще более убедился в этом Потемкин после того, как Завадовскому был предоставлен шестимесячный отпуск, а Зорич, став полковником, флигель-адъютантом и шефом лейб-гусарского эскадрона, поселился в апартаментах фаворитов, пройдя предварительную апробацию у доктора Роджерсона, графини Брюс и двух других пробир-фрейлин. (Далее, по мере появления новых фаворитов, мы не станем повторяться, ибо каждый из них проходил через те же самые ворота.)

Рассказывали, впрочем, и другое. Семен Гаврилович Зорич, рассорившись с командиром полка, в котором служил, поехал в Военную коллегию в Петербург проситься о переводе в другой полк. В первый же день в трактире он в пух и прах проигрался в карты, так что у него не осталось денег даже на обед. По счастью, он встретил на улице знакомого, который ехал в Царское Село к приятелю своему, гоффурьеру. Он взял Зорича с собой и хорошо угостил его, а точнее – напоил.

Выпивший Зорич пошел погулять в дворцовый сад, сел на скамью под липой и заснул. Вот тут-то и увидела его проходившая мимо Екатерина. Зорич приглянулся ей своей статью и ростом, и она велела камердинеру Зотову сесть рядом с офицером на скамью, дожидаться, когда тот проснется, и пригласить гусара к ней на ужин.

Все так и произошло, и Зорич вошел в «случай».

Как бы то ни было, тридцатилетний полковник не был лишен романтичности, чему способствовала и его бурная, полная приключений жизнь. Пятнадцати лет он уже воевал с пруссаками в чине вахмистра в гусарском полку. Он храбро дрался, побывал в нескольких рукопашных схватках, получил три сабельных раны, попал в плен, но сумел бежать.

В 1764 году он воевал в Польше, в 1769–1770 годах – с турками в Бессарабии, прославившись на всю армию бесшабашной удалью, дерзостью, воинской удачливостью и немалым командирским талантом.

3 июля 1770 года отряд Зорича – тогда уже ротмистра – попал в окружение. Сам командир получил две раны копьем и одну саблей и был взят в плен. Четыре года просидел он в страшной султанской тюрьме – Семибашенном замке, потом еще год прожил в Константинополе, пока наконец по Кточук-Кайнарджийскому миру был разменен с другими пленными и вернулся в Россию. Здесь, получив орден Георгия четвертого класса, попал он на глаза Потемкину, и тот решил использовать Зорича в своих целях.

Через четыре месяца, в сентябре 1777 года, Зорич был уже генерал-майором, кавалером четырех иностранных орденов: шведских – Меча и Святого Серафима, и польских – Белого Орла и Святого Станислава. Он стал обладателем нескольких богатых поместий и целого большого местечка Шклова, купленного ему Екатериной за 450 тысяч рублей у князя Чарторыйского.

Эти поместья и Шклов перешли к России в результате первого раздела Речи Посполитой, совершенного русскими, пруссаками и австрийцами в 1772 году.

Зорич стал одним из богатейших вельмож и землевладельцев, однако ни земли, ни чины, ни ордена, ни богатства не прибавили Зоричу того, чего ему не доставало, а именно – ума, и из-за этого недостатка красавец гусар решил, что он сможет свалить своего патрона и благодетеля – Потемкина, но, как говорится, не по себе выбрал Зорич древо, и его интрига, как мы узнаем чуть позже, закончилась для него конфузней.

...В декабре 1777 года Екатерине шел сорок восьмой год, и по меркам того времени она была уже далеко не молодой женщиной. И как раз в это время при дворе начала созревать еще одна интрига – новоявленный фаворит императрицы, не отметивший еще первой годовщины своего «случая», Семен Гаврилович Зорич, решился учинить афронт несокрушимому сопернику Григорию Александровичу Потемкину.

Пребывая вместе с ним и Екатериной в Пдрском Селе, он затеял ссору и даже вызвал Потемкина на дуэль, но вместо поединка отправился за границу, куда его мгновенно выслала Екатерина. А по возвращении осенью 1778 года ему велено было отправляться в Шклов.

Зорич поселился в старом замке польских графов Ходкевичей, отделав его с необычайной пышностью и устроив в своем доме непрерывный праздник. Балы сменялись маскарадами, пиры – охотой, над замком чуть ли не каждую ночь горели фейерверки, по три-четыре раза в неделю устраивались спектакли, а в парке и садах вертелись карусели, устраивались катания на тройках, народные гуляния и бесконечные приемы гостей.

Дважды Зорича навещала Екатерина, когда весной 1780 года приезжала в Могилев, и была встречена экс-фаворитом с необычайной торжественностью и роскошью.

Чтобы завершить и эту сюжетную линию и более к Зоричу не возвращаться, скажем, что его дальнейшая жизнь сложилась не лучшим образом.

Зорич был азартным карточным игроком, причем имел нелестную репутацию шулера. К его грандиозным проигрышам вскоре примешалась и афера с изготовлением фальшивых ассигнаций, которые печатали гости Зорича – польские графы Аннибал и Марк Зановичи.

Расследование скандальной истории было поручено Потемкину. Он приехал в Шклов, арестовал обоих сиятельных братьев, а Зорича уволил в отставку.

Лишь после смерти Екатерины, в январе 1797 года, Павел вернул Зорича в армию, но уже в сентябре за растрату казенных денег снова его уволил, на сей раз окончательно.

И все же и Зорич оставил по себе добрую память. 24 ноября 1778 года – в день именин Екатерины – он основал на собственные деньги Шкловское благородное училище для мальчиков-дворян, готовившихся стать офицерами. В училище занималось до трехсот кадетов.

29 мая 1799 года здание училища сгорело, и это так сильно подействовало на Зорича, что он слег и 6 ноября того же года умер.

На следующий год занятия возобновились, но уже в Еродно, а затем после длительных скитаний по разным городам России в 1824 году училище обособилось в Москве под именем Московского кадетского корпуса, в конце концов получив название «Первый Московский Императрицы Екатерины Второй кадетский корпус». Так и здесь восторжествовала справедливость: учрежденный в ее честь и в день ее именин корпус все же получил и ее имя.

* * *

А на месте отставленного Зорича появился еще один избранник – двадцатичетырехлетний кирасирский капитан Иван Николаевич Римский-Корсаков. Он оказался первым в конкурсе претендентов на должность фаворита, победив еще двух офицеров – немца Бергмана и побочного сына графа Воронцова – Ронцова.

У русских аристократов существовал обычай давать своим внебрачным, но признаваемым ими сыновьям так называемые «усеченные» фамилии, в которых отсутствовал первый слог родовой фамилии. Так, сын князя Трубецкого носил фамилию Бецкой – о нем упоминалось здесь как о мнимом отце Екатерины II. Сын князя Репнина назывался Пнин, Воронцова – Ронцов, Елагина – Агин, Голицына – Лицын, Румянцева – Умянцов.

Все трое были представлены Екатерине Потемкиным, и она остановила свой выбор на Корсакове.

Гельбиг рассказывает, что Екатерина вышла в приемную, когда там стояли ожидавшие аудиенции и Бергман, и Ронцов, и Корсаков. Каждый из них держал букет цветов, и императрица милостиво беседовала сначала с Бергманом, потом с Ронцовым и наконец с Корсаковым. Необыкновенная красота и изящество последнего сделали его единственным претендентом.

Екатерина милостиво улыбнулась всем, но с букетом цветов к Потемкину отправила Римского-Корсакова. Потемкин все понял, и выбор был им утвержден. Потрясенная красотой нового фаворита, Екатерина писала барону Гримму, считавшему этот новый альянс обычной прихотью: «Прихоть? Знаете ли Вы, что это выражение совершенно не подходит в данном случае, когда говорят о Пирре, царе Эпирском (таким было прозвище Корсакова. – В. Б.), об этом предмете соблазна всех художников и отчаяния всех скульпторов. Восхищение, энтузиазм, а не прихоть возбуждают подобные образцовые творения природы! Произведения рук человеческих падают и разбиваются, как идола, перед этим перлом создания Творца, образом и подобием Великого (то есть Бога. – В. 5.)! Никогда Пирр не делал ни одного неблагородного или неграциозного жеста или движения. Он ослепителен, как Солнце, и, как оно, разливает свой блеск вокруг себя. Но все это в общем не изнеженность, а, напротив, мужество, и он таков, каким бы Вы хотели, чтобы он был. Одним словом, это – Пирр, царь Эпирский. Все в нем гармонично, нет ничего выделяющегося. Это – совокупность всего, что ни

на есть драгоценного и прекрасного в природе; искусство – ничто в сравнении с ним; манерность от него за тысячу верст».

Новый фаворит вел происхождение от старинного аристократического польско-литовско-чешского рода Корсаков, старший в котором – Сигизмунд Корсак – выехал на службу в Московское княжество к Великому князю Василию Дмитриевичу – сыну Дмитрия Донского, в конце XIV столетия. Так как потом род Корсака часто путали с дворянским родом Корсаковых, то потомки Сигизмунда в мае 1677 года добились от царя Федора Алексеевича признания за ними двойной фамилии Корсаковых-Римских, так как их родоначальник был подданным римского императора. Так в конце XVII века возникла новая русская дворянская фамилия – Римские-Корсаковы.

Через день после победы в конкурсе фаворитов в Царском Селе появился новый флигель-адъютант, вскоре ставший прапорщиком кавалергардов, что соответствовало генерал-майору по армии, затем – камергером и вскоре генерал-адъютантом. Обладая удивительно красивой внешностью, Иван Николаевич имел к тому же прекрасный голос и очень хорошо играл на скрипке. Однако Екатерине всего этого оказалось недостаточно, ибо, кроме приятного голоса и великолепной внешности, она ценила еще и хороший ум, и прочное постоянство, а этого-то как раз у Римского-Корсакова не было. Как-то, разговаривая с одним из братьев Орловых, Екатерина сказала, что Иван Николаевич поет, как соловей. На что Орлов возразил ей:

– Это правда, но ведь соловьи поют только до Петрова дня.

Тонкое замечание Орлова оказалось пророческим – фаворит продержался около двух лет и был отставлен от двора в октябре 1779 года.

Что же касается ума и образованности Корсакова, то лучше всего об этом свидетельствует такой случай: когда Екатерина подарила Корсакову особняк на Дворцовой набережной, купленный ею у Васильчикова, то новый хозяин решил завести у себя хорошую библиотеку, подражая просвещенным аристократам и императрице. Выбрав для библиотеки большой зал, Корсаков пригласил известного книготорговца и велел ему привезти книги.

– Извольте же дать мне список тех книг, кои вы желаете, чтобы я привез вам, – сказал книготорговец.

На что фаворит ответил:

– Об этом я не забочусь – это ваше дело. Скажу только, что внизу должны стоять большие книги, а чем выше, тем они должны быть меньше, точно так, как у государыни.

При таком уме Корсаков рискнул интриговать против Потемкина, но Циклоп буквально в одночасье прихлопнул его, убив к тому же сразу двух зайцев.

Непримиримым врагом и соперником Потемкина был фельдмаршал Румянцев, чья сестра, графиня Брюс, являлась, как мы знаем, самой доверенной confidentкой Екатерины. Неосторожный и влюбчивый Корсаков начал волочиться за графиней, о чем тотчас же донесли Потемкину, и тому не стоило труда создать ситуацию, пагубную для их обоих. Как только Екатерина узнала об этой связи, она тут же отправила неверную подругу в Москву, а Корсакова оставила в Петербурге из-за болезни, которая, кстати сказать, была мнимой.

Не прошло и месяца, как в Петербурге появились только что приехавшие из Парижа сорокашестилетний граф Строганов и его юная жена Екатерина Петровна, урожденная княжна Трубецкая. Корсаков тут же увлекся молодой и красивой женщиной и вскоре уехал из Петербурга в Москву, понимая, что терпение императрицы небеспрдельно.

Следом за ним, к удивлению многих, уехала в Москву и графиня Строганова, где у ее обманутого мужа был роскошный дом, который великодушный супруг подарил ей. А кроме того, граф предоставил ей богатую подмосковную усадьбу Братцево и пожизненное денежное содержание. Когда же – через двадцать лет после всего случившегося – император Павел сослал Корсакова в Саратов, графиня Екатерина Петровна поехала за ним и туда.

По свидетельству князя Ивана Долгорукова, Екатерина Петровна была «женщина характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особо заманчивое, одарена прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество... Была очень живого характера».

Так что двадцатипятилетнему Ивану Николаевичу было на что менять пятидесятилетнюю императрицу, да и у супругов Строгановых разница в возрасте была столь же значительной.

И потому, надо полагать, ни Римский-Корсаков, ни Строганова не сожалели о содеянном, тем более что Екатерина оставила своему бывшему фавориту дом на Дворцовой набережной и множество драгоценностей, оцениваемых в 400 тысяч рублей.

Завершая этот сюжет, добавим, что невенчанная жена его умерла около 1815 года, оставив Римскому-Корсакову сына и двух дочерей. Сам же Иван Николаевич скончался 16 февраля 1831 года семидесяти семи лет.

Смерть Натальи Алексеевны и воскрешение ее тайны

В апреле 1776 года в царской семье ожидалось важное событие – Великая княгиня Наталья Алексеевна должна была рожать первенца. Роды оказались не просто тяжелыми, но более чем драматичными: после пятидневных непрерывных мучений двадцатилетняя женщина – здоровая и красивая – 15 апреля скончалась. Погиб и ребенок.

Екатерина почти все время была при невестке, хотя давно уже резко переменила о ней мнение, считая ее неприятной, неблагоприятной, расточительной и безалаберной женщиной.

К тому же императрица знала о любовной связи невестки с Андреем Разумовским, которому Павел – по доверчивости и душевной простоте – разрешил поселиться в одном дворце с ним и Натальей Алексеевной.

Екатерина уведомила об этом Павла, но Наталья Алексеевна сумела уверить мужа, что свекровь ненавидит ее и распускает намеренно ложные слухи только для того, чтобы поссорить их.

А вот что писал об этом любовном треугольнике уже знакомый нам Тургенев:

«Кто знал, то есть видал хотя издалика блаженной и вечно незабвенной памяти императора Павла, для того весьма будет понятно и вероятно, что дармштадтская принцесса не могла без отвращения смотреть на укоризненное лицеобразие его императорского высочества, вседражайшего супруга своего! Ни описать, ни изобразить уродливости Павла невозможно! Каково же было положение Великой княгини в минуты, когда он, пользуясь правом супруга, в восторге блаженства сладострастия обмирал!

Наталья Алексеевна была хитрая, тонкого, проницательного ума, вспыльчивого, настойчивого нрава женщина. Великая княгиня умела обманывать супруга и царедворцев, которые в хитростях и кознях бесу не уступят; но Екатерина скоро проникла в ее хитрость и не ошиблась в догадках своих!»

В заграничных журналах появились сообщения, что Наталья Алексеевна была неправильно сложена и из-за этого не смогла благополучно разрешиться от бремени.

Однако против такого утверждения решительно выступил русский посланник при Германском сейме барон Ассебург.

За три года до того он вел переговоры о браке Павла и Натальи Алексеевны и, прежде чем состоялась помолвка, собрал подробные, хорошо проверенные сведения о состоянии здоровья невесты. Все врачи и придворные герцога Дармштадтского уверили барона в прекрасном здоровье Натальи Алексеевны. А то, что она была хорошо сложена, не требовало никаких доказательств – довольно было только хотя бы раз взглянуть на нее.

А. Рослин. «Наталья Алексеевна, принцесса Гессен-Дармштадтская, супруга Павла». 1776 г.

Не только среди досужих журналистов распространялись различные домыслы по поводу неудачных родов и смерти невестки Екатерины. Дипломаты и государственные деятели тоже толковали о случившемся. Злые языки говорили, что ее смерть была подстроена, чтобы избавиться от опасной претендентки на русский трон.

Великая княгиня, как утверждали ее недоброжелатели, не только вступила в любовную переписку и связь с графом А. К. Разумовским, но даже задумывала совершить вместе с ним государственный переворот. Князь Вальдек – канцлер Австрийской империи, хорошо осведомленный в династических немецких делах, говорил родственнику Екатерины принцу Ангальт-Бернбургскому: «Если эта (то есть Наталья Алексеевна. – В. Б.) не устроила переворота, то никто его не сделает».

Английский посланник Джеймс Гаррис писал о Наталье Алексеевне канцлеру Англии графу Суффолку, что вскоре после брака с цесаревичем принцесса Гессен-Дармштадтская легко нашла секрет управлять им, а сама, в свою очередь, находилась под влиянием своего любовника Андрея Разумовского. «Эта молодая принцесса, – писал Гаррис, – была горда и решительна, и если бы смерть не остановила ее, в течение ее жизни наверное возникла бы борьба между свекровью и невесткой».

Утверждали, что Екатерина, как только Наталья Алексеевна скончалась, немедленно обыскала ее кабинет, нашла там письма Разумовского и забрала их себе.

Павел очень любил Наталью Алексеевну и бесконечно страдал из-за ее смерти, едва не лишившись рассудка.

То ли для того чтобы положить конец его переживаниям, то ли по иной причине Екатерина велела прислать безутешному сыну связку писем, найденную в тайном ящике письменного стола Натальи Алексеевны. Прочитав письма, Павел совершенно ясно осознал, что между Разумовским и его покойной женой существовала прочная любовная связь и что отцом ребенка, из-за которого она умерла, вполне мог быть не он, а Разумовский.

Утверждают, что именно с этого момента Павел пришел в то состояние душевного расстройства, которое сопровождало его всю жизнь. Пережив невероятное душевное потрясение, Павел на второй день после смерти Натальи Алексеевны принял решение жениться на Вюртембергской принцессе Софии-Доротее.

Сватовство и женитьба Павла на Софии-Доротее Вюртембергской

Через два дня фельдмаршалу Румянцеву был отправлен рескрипт императрицы, содержащий приказ немедленно приехать из Глухова в Петербург, так как ему надлежит стать участником в «верном, нужном и приятном деле, о коем иначе не желает объявить ему, как при свидании с ним».

К рескрипту П. В. Завадовский приложил записку, в которой, не раскрывая сути дела, писал: «Храни Бог от поездки отговариваться. Весьма неуютно будет Государыне и Великому князю».

Больной Румянцев, кряхтя и стеля, собрался в дорогу и поехал в Петербург.

Приехав, он узнал, что ему вместе с Павлом предстоит поездка в Берлин, где их будет ждать невеста цесаревича.

Павел, Румянцев, брат Фридриха II принц Генрих и сопровождавшие их царедворцы уехали в Берлин 13 июня. За два месяца, прошедшие со дня смерти Натальи Алексеевны, Екатерина успела послать к родителям невесты курьера, договориться о сватовстве, получить портрет принцессы и собрать в дорогу молодого вдовца, уже влюбившегося в свою будущую шестнадцатилетнюю жену.

Место свидания было выбрано не случайно – Берлин с давних пор был для Павла городом мечты, ибо там жил его кумир – Фридрих Великий, который к тому же становился его родственником, так как будущая теща Павла доводилась прусскому королю племянницей, а невеста – внучатой племянницей.

Павел и его свита двигались через Ригу и Кенигсберг и 10 июля торжественно въехали в Берлин. При встрече с Фридрихом Павел произнес пламенную речь, сказав, что он удостоился «видеть величайшего героя, удивление нашего века и удивление потомства».

Встретившись в тот же день с невестой, Павел так описал свое первое впечатление в письме к Екатерине: «Я нашел невесту свою такову, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что есть ли она сделала действие в сердце моем, то не без чувства и она с своей стороны осталась... Дайте мне благословение свое и будьте уверены, что все поступки жизни моей обращены заслужить милость вашу ко мне».

Вюртембергская принцесса София-Доротея-Августа-Луиза – таково было полное имя Марии Федоровны до крещения по православному обряду – получила поверхностное домашнее образование, «женское» в самом уничижительном смысле этого слова. Ее отец только под старость, когда она уже давно была российской императрицей, стал владетельным герцогом Вюртембергским, а до того состоял в прусской службе и доходы его были не очень велики.

В одной из ученических тетрадей Софии-Доротее сохранилось переписанное ею французское стихотворение «Философия женщин», являющееся своеобразным кредо будущей российской императрицы: «Нехорошо, по многим причинам, чтобы женщина приобрела слишком обширные познания. Воспитывать в добрых нравах детей, вести хозяйство, иметь наблюдение за прислугой, блюсти в расходах бережливость – вот в чем должно состоять ее учение и философия». Этот принцип Мария Федоровна исповедовала всю свою жизнь.

Екатерина была довольна итогом поездки сына в Берлин, в частности, и потому, что он сумел, как она думала, расположить к себе Фридриха Великого. Однако «Старый Фриц», как звали короля его подданные, разглядел в молодом человеке то, чего не видел в нем никто: написав Екатерине восторженное письмо о новом родственнике, Фридрих для себя записал

следующее: «Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило... опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким, избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца».

Павел уехал из Берлина, переполненный чувствами восхищения перед королем и его армией, которая произвела на цесаревича исключительно сильное впечатление, став вечным образцом для подражания.

Оставив Пруссию, Павел до конца своих дней хранил в уме и сердце преклонение перед прусской государственной и военной системами, пытаясь перенять все, что можно, для укоренения этих институтов в России. Но так как Россия не могла стать второй Пруссией, то усилия Павла были направлены на то, чтобы придать империи и армии хотя бы внешнее сходство с полюбившейся ему державой.

Два последних дня перед отъездом в Россию Павел провел вместе со своей невестой в гостях у принца Генриха в его Рейнсбергском замке. Там он вручил Софье-Доротее «Инструкцию», состоящую из 14 пунктов, в которой давалось подробное наставление в том, как вести себя в России, и особенно подчеркивалось, что ей «придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость». Павел категорически запрещал своей будущей жене вмешиваться в какие-либо интриги при дворе или принимать чьи бы то ни было советы, чего бы они ни касались.

Павел вернулся в Царское Село 14 августа, а 31 августа туда же приехала и София-Доротея.

Екатерина была совершенно очарована своей новой невесткой. В письме к мадам Бьельке, давней подруге ее матери, она сообщала: «Признаюсь вам, что я пристрастилась к этой очаровательной принцессе; она именно такова, какую можно было желать: стройна, как нимфа, цвет лица – смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете, высокий рост с соразмерной полнотой и легкость поступи».

К тому же шестнадцатилетняя девушка безоглядно влюбилась в своего суженого. За несколько дней до свадьбы она писала Павлу: «Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь, не сказавши вам еще раз, что я до безумия люблю и обожаю вас... Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать вам; вся моя жизнь будет служить вам доказательством моих нежных чувств; да, дорогой, обожаемый, драгоценнейший князь, вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет питать к вам».

А после того как 15 сентября Петербургский архиепископ Платон, перед тем преподававший Софии-Доротее православный закон, обручил ее с цесаревичем, назвав впервые новым именем и титулом: «Великая княжна Мария Федоровна», благодарная невеста прислала жениху по своему собственному почину такую записку: «Клянусь этой бумагой всю жизнь любить и обожать вас и постоянно быть нежно привязанной к вам; ничто в мире не заставит меня измениться по отношению к вам. Таковы чувства вашего навеки нежного и вернейшего друга и невесты». И впервые в жизни подписалась: «Мария Федоровна».

И еще до свадьбы Мария Федоровна послала цесаревичу свое первое письмо на русском языке, написав его очень грамотно, хотя занималась этим языком всего два месяца. И опять она говорила о своей любви и о том, что Павел ей дороже всего на свете.

26 сентября 1776 года состоялось венчание и свадьба Павла и Марии Федоровны.

Цесаревич был счастлив не менее жены и в день свадьбы отправил ей такую записочку: «Всякое проявление твоей дружбы, мой милый друг, крайне драгоценно для меня, и клянусь тебе, что с каждым днем все более люблю тебя. Да благословит Бог наш союз так же, как Он создал его. П.»

...И Бог благословил этот союз: уже в апреле 1777 года Мария Федоровна сообщила мужу, что она ждет ребенка.

Ее первенцем, которого Великая княгиня родила в конце года, стал будущий император Александр I.

Детство великих князей Александра и Константина

Это случилось 12 декабря 1777 года. Первенца назвали Александром – имя выбрала новорожденному его бабка – Екатерина.

В письме к барону Гримму она сообщала, что мальчик назван так в честь святого Александра Невского, и добавляла: «Хочу думать, что имя предмета имеет влияние на предмет, а наше имя знаменито».

И все же дача, построенная для мальчика на берегу Невы, называлась Пеллой, как и город, где родился Александр Македонский.

В другом письме к Гримму Екатерина уже признавала, что, возможно, ее внук будет подобен Александру Македонскому «Итак, – писала Екатерина, – моему Александру не придется выбирать. Его собственные дарования направят его на стезю того или другого».

Для того чтобы все это не осталось только благими пожеланиями, Екатерина сразу же отобрала мальчика у родителей и начала воспитывать его по собственному разумению, из опасения, что отец и мать Александра повторят ошибки в воспитании, допущенные Елизаветой Петровной по отношению к Павлу.

«Великие князья Александр и Константин в детстве». С портрета Р. Бромптона. Ок. 1781 г.

Новорожденного, забрав у врачей, тут же передали под опеку опытной и хорошей матери – генеральши Софьи Ивановны Бенкендорф. (Это ее внук, Александр Христофорович Бенкендорф, прославится в русской истории и как герой Отечественной войны 1812 года, и как первый шеф Корпуса жандармов.)

Александра, в отличие от его отца, стали с первых же дней жизни воспитывать в спартанской обстановке – он спал на кожаном матраце, на тонкой подстилке, покрытой легким английским покрывалом. Температура в его комнате не превышала 14–15 градусов, когда он спал, кормилица и слуги говорили громко и даже на бастионах Адмиралтейства продолжали стрелять пушки.

Какой контраст представляло все это с первыми днями его отца, когда маленького Павла держали зимой и летом в колыбельке, обитой мехами чернобурых лисиц, когда в его спальне круглосуточно горел камин, а слуги не смели даже шептаться! Благодаря суровым условиям, Александр рос крепким, спокойным, веселым и здоровым ребенком.

Забегая чуть вперед, сообщим, что через полтора года, 27 апреля 1779 года, Мария Федоровна родила второго сына, которого назвали Константином. И это имя было; выбрано не случайно: в нем таилась надежда в ближайшем будущем окончательно сокрушить империю Османов и покорить Константинополь.

С этого времени Александр и Константин воспитывались и жили вместе до двадцати с лишним лет, почти никогда не разлучаясь.

7 сентября 1780 года Екатерина писала Гримму об Александре: «Тут есть уже воля и нрав и слышатся беспрестанно вопросы: „К чему?“, „Почему?“, „Зачем?“ Мальчику хочется все узнавать основательно, и бог весть, чего-чего он не знает».

А еще через девять месяцев, 24 мая 1781 года, Екатерина писала ему же: «Надо сказать, что оба мальчишки растут и отменно развиваются... Один Бог знает, чего только старший из них не делает. Он складывает слова из букв, рисует, пишет, копает землю, фехтует, ездит верхом, из одной игрушки делает двадцать; у него чрезвычайное воображение, и нет конца его вопросам».

И наконец 24 мая 1783 года, она сообщала Гримму: «Если бы Вы видели, как Александр копает землю, сеет горох, сажает капусту, ходит за плугом, боронует, потом весь в поту идет мыться в ручье, после чего берет сеть и с помощью Константина принимается за ловлю рыбы...»

Продолжая ту же тему, Екатерина писала Гриму 10 августа 1785 года о семилетнем Александре и пятилетнем Константине: «В эту минуту господа Александр и Константин очень заняты: они белят снаружи дом в Цдрском Селе под руководством двух шотландцев-штукатуров». А в четырнадцать лет Александр получил даже диплом столяра.

Когда Александру не было еще и шести лет, Софья Бенкендорф внезапно умерла, и мальчиков передали в руки главного воспитателя, генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова, а кавалером-воспитателем при обоих братьях стал генерал-поручик Александр Яковлевич Протасов.

Салтыков, прежде чем стать воспитателем Великих князей, десять лет был в том же качестве при их отце-цесаревиче Павле и благодаря своему уму, осторожности и хитрости, а также честностью и добронравием добился расположения и у Павла, и у Екатерины, всегда стараясь смягчать их отношения и примирять друг с другом.

Что же касается Константина, то во многом он был полной противоположностью своему старшему брату, характером схожим с матерью – Великой княгиней Марией Федоровной, женщиной умной, выдержанной, спокойной.

У Константина же уже в раннем детстве проявились многие качества отца: он был вспыльчив, упрям, жесток. Когда однажды Лагарп пожаловался на нежелание Константина выполнять любые, даже самые простые задания, то Константин «в припадке бешенства укусил Лагарпу руку». В другой раз, когда воспитатель его Остен-Сакен заставлял своего питомца читать, Константин дерзко ответил:

– Не хочу читать, и не хочу потому именно, что вижу, как вы, постоянно читая, глупеете день ото дня.

Однажды, будучи уже юношей, – высоким и сильным, – Константин на вечернем собрании у Екатерины, отличавшемся вежливостью и утонченностью, вздумал бороться со стариком графом Штакельбергом. И так как граф не мог противостоять здоровяку-недорослю, Константин, разгораясь, бросил его на пол и сломал ему руку.

Оказываясь в домах аристократов, Константин не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства и черного сквернословия. Он позволял себе это даже в доме своего воспитателя Салтыкова. В августе 1796 года уже женатого семнадцатилетнего хулигана Екатерина приказала посадить под арест, и как только это произошло, Константин стал раскаиваться, просить прощения и наконец сделал вид, что заболел.

Жизнь и смерть Александра Ланского

А теперь снова возвратимся в осень 1779 года, когда Екатерина, уязвленная двоекратной изменой «царя Эпирского», выставила его из Петербурга. Кажется, самолюбивая, восторженная и в сердечных отношениях привязчивая Екатерина на сей раз переживала измену молодого красавца-артиста намного легче, чем это происходило раньше. Не успел Римский-Корсаков уехать из Петербурга, как возле Екатерины уже появился новый претендент на звание фаворита – двадцатидвухлетний конногвардеец Александр Дмитриевич Ланской, представленный обер-полицмейстером Петербурга графом Петром Ивановичем Толстым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.